
А. В. КОРОТАЕВ, В. В. УСТЮЖАНИН,
Ю. В. ЗИНЬКИНА, Л. М. ИСАЕВ,
М. Г. МИРОНЮК, И. Ю. ЧЕРНОМОРЧЕНКО,
Л. Е. ГРИНИН

**К ИССЛЕДОВАНИЮ ДИНАМИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ УСТОЙЧИВОСТИ
СТРАН АФРАЗИЙСКОЙ МАКРОЗОНЫ
НЕСТАБИЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ
ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО
ПОРЯДКА***

В статье исследуются тенденции, влияющие на государственную состоятельность и устойчивость в странах афразийской макрзоны нестабильности, которые рассматриваются в контексте трансформации мирового порядка и связанного с этим процесса реконфигурации Мир-Системы. Предпринята попытка использования концепта государственной состоятельности для построения соответствующего индекса в отношении стран афразийской макрзоны нестабильности. Основываясь на методологии Дж. Хансена и Р. Сигман, авторы статьи уточнили и расширили набор показателей, который позволил получить оценки уровня

---

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00650).

Для цитирования: Коротаев, А. В., Устюжанин, В. В., Зинькина, Ю. В., Исаев, Л. М., Миронюк, М. Г., Черноморченко, И. Ю., Гринин, Л. Е. 2025. К исследованию динамики государственной состоятельности и государственной устойчивости стран афразийской макрзоны нестабильности в условиях трансформации мирового порядка. *История и современность* 3: 20–68. DOI: 10.30884/iis/2025.03.02.

For citation: Korotayev, A. V., Ustyuzhanin, V. V., Zinkina, Yu. V., Issaev, L. M., Mironyuk, M. G., Chernomorchenko, I. Yu., Grinin, L. E. 2025. On the Study of the Dynamics of State Capacity and State Sustainability of the Countries of the Afrasian Macrozone of Instability in the Context of the Transformation of the World Order. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 3: 20–68 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2025.03.02.

История и современность, № 3, сентябрь 2025 20–68

DOI: 10.30884/iis/2025.03.02

государственной состоятельности. Кроме того, был существенно расширен временной диапазон анализируемых наблюдений вплоть до 2024 г. В концептуальном плане государственная состоятельность имеет три измерения в виде принуждающей, административно-бюрократической и экстрактивной способностей. Такая концептуализация в целом отражает современные представления о государстве и его прерогативах. При всех ограничениях и концепт, и предлагаемые подходы к измерению дают полезные результаты. Как свидетельствуют приведенные данные по динамике государственной состоятельности в странах афразийской макророзы неустойчивости, полученные оценки обладают достаточной точностью (при соотнесении со страновой и региональной экспертизой) и в дальнейшем могут быть использованы в прогнозировании изменений индекса. В целом использование рассматриваемого индекса позволило выявить основные тренды изменения государственной устойчивости и государственной состоятельности ключевых стран афразийской макророзы неустойчивости (включая и страны Африки южнее Сахары). Показатели индекса могут быть также использованы для уточнения политики России (и объединений/организаций с ее участием) при выстраивании отношений со странами афразийской макророзы в части оценки возможных рисков.

Ключевые слова: государственная состоятельность, государственная устойчивость, тренды, афразийская макророза неустойчивости, Африка южнее Сахары, Северная Африка, Западная Азия, Центральная Азия.

Актуальность темы

Государство остается важнейшей политико-административной единицей существования и сосуществования обществ даже в условиях заметно продвинувшейся глобализации. Поэтому анализ тенденций (а также процессов и факторов, которые будут рассмотрены в другой статье), влияющих позитивно или негативно на состояние государственной состоятельности (дееспособности) и устойчивости, является исключительно важным как в рамках отдельных государств (особенно для стран Африки и афразийской макророзы неустойчивости, которые имеют короткую историю государственности, – об этом ниже), так и в рамках Мир-Системы. Тенденции, влияющие на состоятельность и устойчивость государств, могут делиться на внешние и внутренние. При этом корреляция между внешними и внутренними тенденциями может быть как положительная (например, рост международной помощи, участие в международных организациях, позитивное влияние роста рынков и т. д.), так и от-

рицательная, включая инспирирование и поддержку цветных революций, переворотов, прямых интервенций; экономическое и политическое давление и многое другое (подробнее см.: Гринин 2023а, 2023г). Недавнее падение режима Б. Асада во многом оказалось связанным с внешним давлением и внешней поддержкой антиправительственных сил. Негативные тенденции развития страны, резко усиленные извне, нарастают в течение почти 15 лет, пока не привели к краху режима (Ахмедов 2025).

Негативные и дестабилизационные тенденции, ослабляющие государства, в итоге ведут к кризисам государственной состоятельности и устойчивости, приводят к краху режимов и государств. Все это очень чувствительно сказывается как на других государствах, так и на Мир-Системе в целом; подобные тенденции могут усиливать нестабильность, конфликтность и т. п. (см. подробнее: Гринин и др. 2018; Гринин 2020а, 2020б, 2020в, 2021а, 2021б, 2022).

Таким образом, существует острая необходимость выделения, классификации, анализа тенденций, влияющих как отрицательно, так и положительно на государственную устойчивость и государственную состоятельность, и выработки методики такого анализа, инструментария и практических рекомендаций.

Трансформация мирового порядка и тенденции, влияющие на состоятельность и устойчивость государств

Глобализация усилила тенденции сокращения национального суверенитета и добровольной его передачи наднациональным и международным организациям. Мы подробно исследовали эту тенденцию отрицательной корреляции между усилением связности Мир-Системы и ослаблением суверенитета стран (Гринин 2008; Grinin 2012а, 2012б). Но при этом усиливалась и тенденция к подрыву устойчивости режимов с помощью продвижения демократии и так называемых цветных революций¹. Однако усилившийся про-

---

¹ Цветная революция – это революционное событие, которое происходит хотя и под влиянием внутреннего развития, кризиса, складывания революционной ситуации, оправданного недовольства правительством и т. п., но обязательно: (а) при сильном кураторстве (обучении, разработке стратегии и тактики, разнообразной помощи, включая предоставление убежища, ресурсов и т. п.) иностранных держав, политических сил или организаций, поддерживаемых извне; (б) безусловной поддержке со стороны иностранных сил революционных акций, независимо от действий революционеров, путем дипломатического, информационного, иного (например, санкционного) давления на страну, в которой происходят революционные события; (в) в интересах иностранных союзников и кураторов революции: обяза-

цесс реконфигурации Мир-Системы, конфликтности и турбулентности вызвал резкую активизацию санкционной активности. Это в свою очередь привело к обратному эффекту в отношении роли государства, его влияния на общество, возврата отданных суверенных полномочий (Гринин 2016).

Трансформация однополярного американского порядка идет уже достаточно длительное время, обозначившись как заметный тренд где-то с 2008 г., при этом все заметнее обостряется борьба за новый мировой порядок (см.: Гринин Л. Е. 2023; Гринин А. Л. 2024, 2025).

Трансформация мирового порядка и борьба за новый порядок тесно связаны с процессом реконфигурации Мир-Системы.

Реконфигурация Мир-Системы как системный кризис²

Реконфигурацией Мир-Системы мы называем системный кризис, связанный с усилением пертурбаций и турбулентности в разных частях Мир-Системы, уменьшением ее связанности, изменением баланса сил, ослаблением американского доминирования, подъемом новых держав и центров силы, в целом с постепенной трансформацией мирового порядка. Это, соответственно, ведет к усилению напряженности, противоречий и торможению экономической глобализации, которая в настоящий момент начала быстро откатываться назад. Таким образом, мировой порядок и Мир-Система в целом находятся в состоянии постоянной трансформации, которая может выражаться в локальных политических кризисах, в том числе революциях, напряжениях, коллапсах политических режимов, других неожиданных изменениях, число которых увеличивается, а также в целом в общем кризисе мирового политического и экономического порядка³.

Основные векторы реконфигурации Мир-Системы – ослабление прежнего центра Мир-Системы (США и Запада), одновременное усиление позиций ряда периферийных государств и в целом увеличение роли развивающихся стран. Мы рассматриваем

только имеется стремление получить военно-стратегические, геополитические, экономические дивиденды, но при этом реальные последствия победы (или поражения) революции в конкретной стране, ее судьба, интересы ее населения в целом иностранных кураторов не интересуют, они к ним безразличны, а иногда даже заинтересованы в дезорганизации, коллапсе страны (Гринин, Коротаев 2020, 2023).

² При написании раздела о реконфигурации Мир-Системы были использованы материалы: Гринин 2025.

³ См.: Гринин и др. 2015; Гринин А. Л., Гринин Л. Е. 2020.

кризисы и потрясения, например на Ближнем Востоке и Украине, именно как реконфигурационные кризисы, которые одновременно являются и геополитическими, требующими изменения мирового порядка. Притом кризисы эти усиливаются и втягивают в себя очень много стран и заинтересованных сил, и становится все более вероятным возникновение мощных и, возможно, внезапных кризисов в разных обществах или регионах. Их внезапность может оказаться сродни землетрясению. Коллапс режима Б. Асада в Сирии – новейший и очень яркий пример. Продолжая геологические сравнения, стоит заметить, что, подобно тому как тектонические сдвиги происходят по линии наиболее подвижной земной коры и на границе тектонических плит, такого рода реконфигурационные кризисы также возникают в регионах и обществах, наименее устойчивых и лежащих на стыках геополитических «плит». Данный тезис, на наш взгляд, полностью отражает ситуацию на Украине, где и общество, и территория раскололись, все это в итоге вызвало военный конфликт, неизбежно ведущий к дальнейшим разломам.

На стыке геополитических «плит» находятся также общества Закавказья (события в Карабахе тому свидетельство), Средней Азии и Среднего Востока, Западного Китая (Тибет и Сянцзян), Африки (в частности, на стыке исламской и Тропической Африки, в зоне Сахеля), некоторые регионы Южной Америки. Это довольно неустойчивые регионы, где уже проявляются некоторые симптомы кризиса либо они возможны (но это не означает, что кризисы обязательно произойдут). И США, и Запад в целом активно способствуют тому, чтобы эти регионы оставались в наиболее опасном сейсмическом состоянии, чтобы влиять на Россию и Китай.

Реконфигурация Мир-Системы и разрушение мирового порядка

Реконфигурация Мир-Системы с точки зрения общесистемного анализа есть подтягивание политической составляющей к далеко опередившей ее экономической составляющей либо, наоборот, резкое торможение и откат экономической составляющей до уровня политической. Если в 2000-е и 2010-е гг. мы видели первый вариант, то теперь такое «подтягивание» связано как раз с откатом экономической глобализации.

Таким образом, **реконфигурация – это, к сожалению, далеко не гладкий, а весьма болезненный процесс**, требующий откатов и перестроек. Он выражается в активизации различных политиче-

ских процессов, большей частью турбулентных, дестабилизирующих ситуацию, меняющей внутривнутриполитический и международный ландшафт. Выше мы уже говорили, что **такие процессы очень тесно связаны с ослаблением и разрушением мирового порядка и подготовкой к формированию нового** (Гринин 2016, 2022; Grinin, Korotayev 2012, 2016; Grinin A., Grinin L. 2023; Садовничий и др. 2024: гл. 10; Гринин Л. Е. и др. 2024). При этом происходит создание новых союзов, принципов и систем, которые обеспечат усиление международного сотрудничества и переход к новому мировому порядку. Но это особенно активно проявится позже. А пока в этом процессе преобладают тенденции к разрушению старого мирового порядка.

Начало реконфигурации означало ослабление сложившегося Pax Americana и постепенную трансформацию этого мирового порядка. Мы считаем, что мощным толчком для начала реконфигурации послужил глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. Следующим этапом стала «арабская весна» (Grinin, Korotayev 2012). За последующее десятилетие процессы реконфигурации Мир-Системы прошли еще несколько фаз, наиболее важными вехами стали украинский кризис 2014 г. (что означало переход к конфронтации Запада с Россией вместо декларировавшегося до этого единства) и введение торговых пошлин президентом Д. Трампом. Последнее стало началом разрушения концепции открытой торговли и максимального использования конкурентных преимуществ для экономики.

С началом СВО в 2022 г. процесс реконфигурации Мир-Системы вступил в стадию своего ускорения (Гринин 2023б, 2023в), что означает усиление и ужесточение конфликтов; попытки решить спорные вопросы силовым путем; искусственное сворачивание финансовых и торгово-экономических отношений, наконец, огромные торговые пошлины. Все это, естественно, подрывает основы экономической глобализации, разрушая всякую возможность расширения и укрепления связей между США и Китаем. Напротив, санкции начали процесс усиления и расширения трений и конфликтов между США, слабеющим гегемоном, и Китаем, растущим конкурентом (см., например: Colby 2021; Burrows, Manning 2022; Mearsheimer 2024; The End... 2024). Представляется, что с новой администрации Д. Трампа начался новый этап ускорения реконфигурации Мир-Системы под влиянием хаотичных действий США. Словом, ситуация в Мир-Системе меняется очень быстро. Завершение ре-

конфигурации Мир-Системы будет связано с созданием ее новой, более устойчивой конфигурации и формированием основ нового мирового порядка.

Таким образом, мир находится в водовороте дестабилизационных событий, которые означают размывание прежнего мирового порядка. А вместе с этим усиливается и турбулентность, которая, несомненно, влияет и на устойчивость государств. Очевидно, что бóльшая или меньшая состоятельность и устойчивость государства, тенденции, которые влияют позитивно или негативно на эти характеристики, зависят от целого ряда условий и обстоятельств. Если брать внешние обстоятельства, то можно выделить следующие (но важно понимать, что обычно такое влияние проявляется в виде более или менее продолжительных тенденций): 1) геополитическое положение той или иной страны. В частности, нахождение между противоборствующими сторонами, союзами может иногда очень негативно отразиться на состоятельности и устойчивости страны, если она становится ареной противоборства. Украина – очень яркий пример, но и среди стран афразийской макрзоны можно найти примеры. Тот же Афганистан был яблоком раздора между СССР и США. 2) Выбор страны как цели для решения внешнеполитических задач крупных держав. Пример – Судан, исламистский режим которого раздражал США и Израиль. Ливия, Сирия, Иран также оказались странами, режим которых сильно не нравился США и другим западным странам. 3) Стремление ослабить геополитического соперника, оторвав от него союзников и изменив режимы в окружающих его странах. Это характерно для цветных революций в Югославии и странах СНГ, среди которых есть и страны, входящие в афразийскую макрзону (в частности, Киргизия). 4) Прямые попытки дестабилизировать ситуацию у геополитического противника, используя для этого сепаратистские настроения, возбуждая регионы с иной этничностью или конфессией. Тут характерны примеры влияния на Иран, Синьцзян (Синьцзян-Уйгурский автономный район) и Тибет в Китае. 5) Дестабилизирующие влияния из революционного центра. Это характерно, в частности, для радикальных исламистских движений в Африке; центром формирования для некоторых из них стало запрещенное в РФ «Исламское государство» (о роли исламизма см.: Гринин 2020а, 2020б, 2020в, 2021в). При этом, естественно, неспособность правительства защитить население от внешних угроз сильно подрывает устойчивость государства. 6) Прямые интервенции, каковые были, например, в Ира-

ке. 7) Революции в соседних странах и в мире (Grinin A., Grinin L. 2023, 2024), а также мировые или региональные кризисы и иные негативные мир-системные события, которые могут вызывать волны дестабилизаций, в частности волны революций (Голдстоун и др. 2022; Гринин 2022; Коротаев, Исаев, Васильев 2015, Коротаев, Шишкина, Лухманова 2017; Акаев *et al.* 2017; Grinin A., Grinin L. 2023; Grinin *et al.* 2022; Goldstone *et al.* 2022; Korotayev *et al.* 2015, 2018). «Арабская весна» явилась примером такого влияния. 8) Внешние шоки, особенно связанные с резким изменением экономической ситуации⁴.

Внутренних тенденций и причин насчитывается также немало (см., например: Гринин, Коротаев 2014; Коротаев, Васькин, Билога 2017; Медведев и др. 2022; Korotayev, Zinkina 2015; Slinko *et al.* 2017). Но поскольку ниже они указываются как факторы индекса, мы укажем только на одну. Это слабость государств, вытекающая из недостаточного опыта и слабых традиций государственности, отсутствия укрепившейся идеологии государственности среди населения (местничество, сепаратизм, трайбализм и т. п.).

Триггерами дестабилизации в обществе могут стать самые разные причины, часто даже незначительные (хотя задним числом, конечно, обнаруживаются сигналы и «трещины», свидетельствующие о нарастании проблем, но, по крайней мере, они не были очевидны всем). Такие события можно сравнить со сходом селя в горах. Его может и не случиться, но он способен произойти даже в результате громкого крика. Иными словами, в бифуркационной ситуации всякое событие может стать критическим. Естественно, чем больше противоречий накопилось в обществе, тем вероятнее такой исход. Триггером может стать любой коррупционный скандал, убийство лидера или даже простого человека и т. п., особенно в ситуации, когда в обществе неспокойно. Мы сформулировали концепцию общей революционной ситуации (неустойчивая ситуация хрупкого мира в обществе), где любой кризис может привести

---

⁴ В свое время нефтяные шоки, связанные с резким повышением ОПЕК цен на нефть в 1970-х гг., существенно дестабилизировали ситуацию в США и Европе, вызвав там мощнейший после Второй мировой войны кризис и усиление протестного движения. Падение цен на нефть в 1980-е гг. стало одной из причин крушения СССР, а также дестабилизации в ряде нефтеэкспортирующих стран, таких как Алжир (см. подробнее: Гринин 2014, 2019; Grinin 2012a, 2022). Продолжающийся тренд низких цен на нефть привел к дефолту в России в 1998 г.

к созданию непосредственной революционной ситуации и, при благоприятных для нее обстоятельствах, революции (Grinin 2022; Гринин 2020а). Но общая кризисная ситуация, ведущая к дестабилизации, может иметь и неревOLUTIONную природу (например, при этнической, расовой или религиозной вражде) (подробнее см.: Гринин 2023г; Grinin A., Grinin L. 2024).

Исключительно важно понимать, что особенно опасно пересечение внешних и внутренних негативных тенденций, что приводит к эффекту социального резонанса и обвалу режимов или даже государств (см.: Grinin 2012b, 2022; Гринин 2014, 2019).

К вопросу о государственной состоятельности

Понятием «государство» обозначается административно-политическая общность, которая стала естественной для многих людей реальностью. Эта реальность может вызывать негатив, когда «государства слишком много», оно репрессивное, а верховенство права не более чем конституционный артефакт. Впрочем, такой же ужас может вызывать слабость, недостаточность государства, его неспособность поддерживать даже не нормальные, а минимально терпимые условия жизни для населения, тем более в условиях, когда государственные прерогативы присвоены чиновниками, корпорациями, полевыми командирами, организованной преступностью, иностранными государствами, организациями и т. п. Для жителей регионов, где сильны структуры традиционного общества, государство может восприниматься в качестве абстракции, но, тем не менее, в той или иной форме и для них оно – часть реальности, пусть и не вполне осознаваемой. Для представителя социальных наук первая, хотя и не единственная ассоциация – это политическая карта мира. Современный мир, несмотря на трансформации последних десятилетий, к числу которых принято относить новый этап глобализации, взлет и разочарование в неолиберальных политических курсах и т. п., – это по-прежнему мир государств, количество которых не демонстрирует тенденции к снижению. Напротив, процессы государствообразования продолжают. При этом существуют факты как образования непризнанных государств, так и признания государств, реально не существующих как суверенные. Так, после многолетнего конфликта на территории Республики Судан в 2011 г. независимым государством был провозглашен Южный Судан, в том же году ставший 193-м государством – членом ООН. По состоянию на сен-

тябрь 2025 г. более 150 государств признали независимость Государства Палестина, что, однако, не означает ни де-факто, ни де-юре существования не только независимого, но и реального (в смысле дееспособного) государства на территории Западного берега реки Иордан и сектора Газа. В то же время стандартная политическая карта мира скрывает некоторое количество непризнанных или частично признанных государств, а также ничего не говорит о том, в какой мере центральные правительства контролируют территории «своих» государств.

Выше мы писали о тенденциях сокращения и расширения государственного суверенитета. В этой связи всегда важно понимать, насколько то или иное государство является государством как таковым, а не чем-то иным, выполняющим (присвоившим или симулирующим) суверенные prerogatives современного государства. Конечно, перечень prerogatives может различаться в зависимости от предпочтений оценивающего. Однако реализация любых возможных prerogatives возможна при наличии соответствующих способностей (возможностей), причем развитых, если под «реализацией prerogatives» понимается, например, стабильно низкий уровень преступности, отсутствие неподконтрольных территорий в международно признанных границах и т. п. Совокупность данных возможностей составляет государственную состоятельность (*state capacity*).

Проблемы концептуализации государственной состоятельности многочисленны. В данной связи можно рекомендовать статью А. С. Ахременко, И. Е. Горельского и А. Ю. Мельвиля (2019) «Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания», в которой рассмотрены разные подходы к государственной состоятельности как к «концепту все еще в поисках точного определения и измерения» (*a concept in search of precise definition and measurement* [Hendrix 2010: 273]).

Поскольку мы пока не претендуем на концептуальные новации, наш основной интерес связан с использованием концепта государственной состоятельности для изучения изменений, которые претерпевают государства афразийской макрзоны нестабильности (подробнее о концептуализации данного понятия и различных подходах к определению перечня стран, его составляющих, см.: [Коротаев, Исаев, Руденко 2014, 2015; Коротаев, Мещерина и др. 2019; Коротаев, Гринин и др. 2021; Коротаев, Гринин, Исаев 2021; Гри-

нин 2020а, 2021а; Медведев и др. 2022; Устюжанин, Коротаев 2022; Korotayev *et al.* 2016b; Medvedev *et al.* 2022]). В настоящей статье афразийская макрозона рассматривается в максимально широком варианте, включающем в себя, наряду со всеми странами Африки, также страны Западной Азии (включая Закавказье), Среднего Востока (включая Афганистан и Пакистан), а также Центральной/Средней Азии.

Операционализации и данные

В вопросах операционализации мы в целом следуем за коллегами из НИУ ВШЭ (Ахременко и др. 2019), которые, в свою очередь, опирались на работы М. Манна (Mann 1984), К. Хендрикса (Hendrix 2010), Дж. Хансона и Р. Сигман (Hanson, Sigman 2016, 2021) и др. При этом мы уточняем и несколько расширяем набор показателей, которые также группируются в три измерения – принуждающей (военно-принуждающей в версии коллег), административно-бюрократической и экстрактивной способностей. Описание переменных (с источниками данных) представлено в Табл. 1.

Таблица 1

Измерения государственной состоятельности и их индикаторы

Измерение	Индикатор	Примечание	Источник
Принуждающая способность (С)	1. Контроль над территорией	Над каким процентом (%) территории государство осуществляет эффективный контроль?	v2svstterr, V-Dem (Coppedge <i>et al.</i> 2025)
	2. Численность военнотружущих	На 100 000 населения, переменная логарифмирована	Всемирный банк (World Bank 2025a)
	3. Военные расходы на душу населения	Доллары США 2023 г., переменная логарифмирована	Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (SIPRI 2025)
	4. Умышленные убийства	На 100 000 населения	Всемирный банк (World Bank 2025b)

Продолжение Табл. 1

Измерение	Индикатор	Примечание	Источник
	5. Индекс нестабильности	Переменная сконструирована как стандартизированная сумма из индексов: (1) терроризм / партизанская война; (2) правительственные кризисы; и (3) «революции»/перевороты и попытки переворотов	Переменные Domestic ³ , Domestic ⁴ , Domestic ⁷ CNTS (Banks, Wilson 2025)
Административно-бюрократическая способность (А)	1. Профессиональная и беспристрастная государственная администрация	Являются ли государственные служащие строгими и беспристрастными при исполнении своих обязанностей? Индекс от 0 до 4	v2clrspct, V-Dem (Coppedge <i>et al.</i> 2025)
	2. Политическая коррупция	Индекс от 0 до 1	v2x_corr, V-Dem (Coppedge <i>et al.</i> 2025)
	3. Верховенство закона	Индекс от 0 до 1	v2x_rule, V-Dem (Coppedge <i>et al.</i> 2025)
	4. Эффективность государственного управления	Индекс от 0 до 1	Всемирный банк (World Bank 2025c)
	5. Смертность от недоедания	Коэффициент стандартизирован	ИНМЕ (2025)
Экстрактивная способность (Е)	1. Структура фискальных доходов государства	Индекс от 0 до 4. 0 – государство неспособно собирать доходы для своего финансирования. 4 – государство в первую очередь опирается на налоги на экономические операции и/или налоги на доходы, прибыль корпораций и капитал	v2stfiscap, V-Dem (Coppedge <i>et al.</i> 2025)

Измерение	Индикатор	Примечание	Источник
	2. Налоговые поступления	% ВВП	Всемирный банк (World Bank 2025d)
	3. Налоги на доходы, прибыль и прирост капитала	% от общей суммы налогов	Всемирный банк (World Bank 2025e)

Измерение принуждающей способности описывается переменными, которые позволяют оценить и ресурсы принуждения в виде военных расходов (на душу населения) и численности военнослужащих, а также эффекты применения принуждения в виде умышленных убийств (на 100 тыс. населения), контроля центральных властей над территорией и индекса нестабильности, агрегирующей информацию об экстремальных событиях, создающих непосредственные угрозы безопасности государству и его гражданам. Мы осознаем, что силы безопасности, которые могут быть мобилизованы на защиту от внешних и внутренних врагов, включают не только военнослужащих собственно вооруженных сил, но и персонал (нередко не менее многочисленных) специальных служб, полиции и т. п. Мы также признаем, что военные расходы далеко не всегда конвертируются не только в успех на поле боя в условиях внешней агрессии или в ее сдерживание, но и в эффективное противодействие или предотвращение действий террористических групп, повстанческих группировок и т. п., то есть во внутренние полицейские операции. И первый, и второй ресурсы принуждения могут быть проявлением статуса государства в международной системе и (или) быть последствием соперничества в регионе и (или) в мире (с неизбежной гонкой вооружений или дорогостоящими поисками союзников и т. п.). Иными словами, это весьма несовершенные показатели, существенным достоинством которых является универсальность, а не точность в оценке эффективности применения ресурсов и инструментов принуждения (вовне и внутри государства) во всех возможных кризисных ситуациях. По этой причине для по-прежнему не самой точной оценки эффективности принуждения вводятся показатели умышленных убийств (*homicides*), наличия (или отсутствия) экстремальных событий с точки зрения безопасности государства, а также масштабов контроля центральных властей над территорией государства.

Измерение административно-бюрократической способности описывается переменными, характеризующими как собственно административно-бюрократическую систему в части беспристрастного и эффективного выполнения управленческих функций, так и ее эффективность в одном, но существенном аспекте – избежании смертности от голода.

Измерение экстрактивной способности представлено индикаторами, которые характеризуют способность государства самостоятельно извлекать из общества ресурсы в виде налогов для выполнения своих функций – как базовых, так и расширенных. Показатель «Налоговые поступления (в % ВВП)» связан с доходной частью статистики государственных финансов. Помимо налогов источниками доходов государства могут быть всевозможные сборы, штрафы, доходы от государственных предприятий или компаний с государственным участием как внутри государства, так и от экспорта нефти, сырья, других товаров и т. п. Показатель «Налоги на доходы, прибыль и прирост капитала (в % от общей суммы налогов)», согласно определению МВФ, представляет собой «налоги, подлежащие уплате с фактических или предполагаемых доходов, прибыли и прироста капитала». Данные налоги уплачивают и физические лица, и компании. Этот показатель позволяет сопоставить то, насколько государства в состоянии наполнять доходную часть государственных финансов за счет «обязательных безвозмездных платежей» населения и компаний от экономической деятельности, а также косвенно оценить, насколько развита экономическая деятельность (конечно, с существенными ограничениями и исключениями).

При построении индекса мы используем данные с 1960 по 2024 г. для всех стран с населением больше 1 млн человек по состоянию на 2000 г.⁵, по которым агрегирует статистику Всемирный банк.

Методы

В построении индекса мы следуем за работами Дж. Хансона и Р. Сигман (Hanson, Sigman 2016, 2021), в которых использовалась байесовская латентно-факторная модель с марковскими цепями Монте-Карло. Тем не менее мы несколько доработали модель и дополнительно ввели: (1) модель с устойчивой измерительной частью через распределение Стьюдента (Gelman *et al.* 2013: Ch. 17),

---

⁵ Это, например, объясняет отсутствие Катара ниже на Рис. 2.

(2) небольшие приоры на дисперсии ошибок (в виде распределения Коши), (3) иерархическую структуру общего индекса, который теперь состоит из трех субиндексов – принуждающей, административной и экстрактивной способностей, (4) общую ковариационную структуру этих скрытых субиндексов с весовой агрегацией через распределение Дирихле в итоговый индекс. В формализованном виде наша модель представлена ниже.

Данные представлены в панельном виде, где каждое наблюдение-строка $r = 1, \dots, N$ соответствует определенному году и стране. Для каждого из субиндексов $L \in \{C, A, E\}$ есть наблюдаемые индикаторы $y_{rj}^{(L)}$, которые индексируются через $j = 1, \dots, J^{(L)}$. Мы предполагаем, что $y_{rj}^{(L)}$ имеют распределения Стьюдента (причем мы рассматриваем его в *location-scale* форме), чьи средние $\mu_{rj}^{(L)}$ связаны с латентным фактором L_r через простое линейное уравнение с коэффициентом (нагрузкой) $\lambda_j^{(L)}$ и специфичной для этого индикатора константой $c_j^{(L)}$:

$$y_{rj}^{(L)} \sim \text{iid } t_{ls}(\mu_{rj}^{(L)}, \tau_j^{(L)}, \nu^{(L)})$$

$$\mu_{rj}^{(L)} = c_j^{(L)} + \lambda_j^{(L)} L_r.$$

Отдельно отметим, что мы предполагаем отсутствие зависимости между $y_{rj}^{(L)}$ как во времени, так и в пространстве. Для идентификации в каждой группе индикаторов L первая переменная имеет $\lambda_{j=1}^{(L)} = 1$ и $c_{j=1}^{(L)} = 0$. Коэффициенты остальных переменных мы моделируем через нормальное распределение с положительным ожиданием, а константы как нормальное распределение:

$$\lambda_{j \neq 1}^{(L)} \sim N(0.5, 0.5^2), \quad c_{j \neq 1}^{(L)} \sim N(0, 0.5^2).$$

Неопределенность задается через оставшиеся параметры распределения $t_{ls}(\cdot)$, где $\tau_j^{(L)}$ является показателем точности и задается как обратное стандартное отклонение ошибки $\sigma_j^{(L)}$, чье распределение мы моделируем через распределение Коши, которое определено только на положительной части числовой прямой (*half-Cauchy*)⁶:

⁶ Таким образом мы гарантируем положительную вариацию ошибки.

$$\sigma_j^{(L)} \sim \text{Cauchy}^+(0, 1), \quad \tau_j^{(L)} = \frac{1}{[\sigma_j^{(L)}]^2}.$$

В свою очередь, степени свободы $\nu^{(L)}$ распределения $t_{is}(\cdot)$, которые контролируют толщину хвостов, моделируются через сдвинутое⁷ экспоненциальное распределение с небольшим параметром, предполагающим в итоге умеренно тяжелые хвосты:

$$\nu^{(L)} \sim 2 + \text{Exp}(0.2).$$

Совместная структура субиндексов $L \in \{C, A, E\}$ моделируется из многомерного нормального распределения со средними 0 и ковариационной матрицей $\Sigma_{3 \times 3}$, которая имеет обратное распределение Уишарта (*Wishart distribution*) с параметрами V и n . То есть вектор $v_r = (C_r, A_r, E_r)'$ распределен следующим образом:

$$v_r \sim \text{iid } N_3(0, \Sigma_{3 \times 3}), \\ \Sigma_{3 \times 3} = \Omega_{3 \times 3}^{-1}, \quad \Omega_{3 \times 3} \sim W_3(V, n).$$

Мы не делаем сильных предположений о ковариационной структуре и потому задаем $V = I_3$ и $n = 4$. Вспомним, что $\mathbb{E}[\Omega_{3 \times 3}] = nI_3$, то есть мы априорно не задаем корреляции между нашими субиндексами, позволяя данным решать самим⁸.

Итоговый индекс государственной состоятельности S является взвешенной суммой субиндексов $L \in \{C, A, E\}$:

$$S_r = w^c C_r + w^a A_r + w^e E_r,$$

где вектор весов $\mathbf{w} = (w^c, w^a, w^e)'$ априорно распределен по Дирихле и таким образом его сумма равна 1 и веса больше 0:

$$\mathbf{w} \sim \text{Dir}(\boldsymbol{\alpha}), \quad \boldsymbol{\alpha} = (2, 2, 2)',$$

где $\boldsymbol{\alpha}$ является вектором-параметром концентрации. Мы априорно задали равные веса каждому из субиндексов, то есть

⁷ Сдвиг нужен для гарантирования существования $t_{is}(\cdot)$, где степени свободы должны быть больше 2.

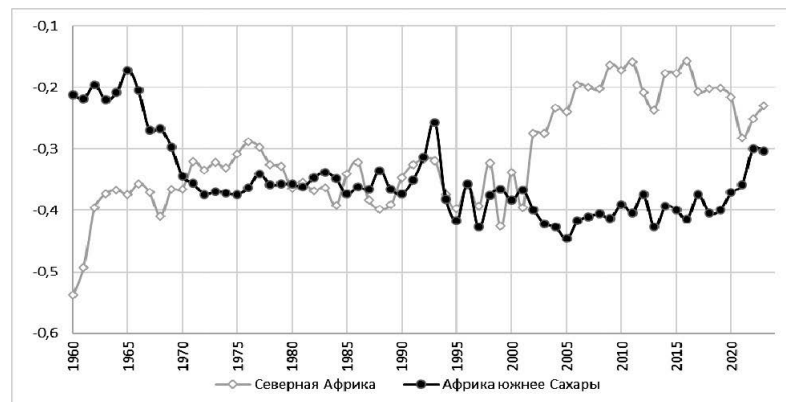
⁸ Отметим, что мы не предполагаем наличие автокорреляционного процесса или специфической пространственной структуры у наших субиндексов и, следовательно, итогового индекса. Это, конечно, не самое реалистичное, но применяемое при построении таких индексов предположение. Так, можно было бы использовать AR(1) процесс для учета автокорреляции и зависимости индекса в рамках одной страны во времени, но это могло бы сильно снизить чувствительность итогового индекса к шокам, делая его слишком инерционным. Решение уже этой проблемы потребовало бы моделирования довольно специфической матрицы «инноваций» в ошибках для моделирования шоков. Принимая во внимание техническую сложность такого моделирования, мы оставляем эту задачу для будущих исследований.

$E[w] = \alpha_i / \sum \alpha_i = (0.33, 0.33, 0.33)'$, при этом мы делаем такое априорное распределение довольно вариативным, поставив $\alpha_i = 2$. Отметим сразу же, что в дальнейшем весовую часть конечного индекса нужно доработать, ведь сейчас веса не связаны с данными и не могут адаптироваться.

Все расчеты проводились на языке программирования R с использованием пакета *rjags*. Мы ставили для адаптации 4000 симуляций, для разогрева (*burn-in*) – 10000 симуляций, а для расчета распределений – 4000. Также мы применяли прореживание (*thinning*) с шагом в 20, то есть после разогрева сохраняли каждую двадцатую итерацию для меньшей нагрузки на оперативную память.

Результаты

Исследование динамики государственной состоятельности стран африканской макрзоны нестабильности начнем с анализа трендов основных регионов данной макрзоны (см. Рис. 1а и 1б)

Рис. 1а. Динамика постериорных оценок индекса государственной состоятельности для различных регионов африканской макрзоны нестабильности, 1960–2023 гг. Северная Африка и Африка южнее Сахары

Начнем с анализа общей динамики государственной состоятельности стран Северной Африки. Как мы видим, в 1960-е гг. наблюдается общее укрепление этого индекса, связанное с завершением национально-освободительной революции в Алжире и заметным укреплением государственной состоятельности практически всех стран Северной Африки. Этот процесс был несколько прерван Шестидневной войной 1967 г., но в целом продолжился до середи-

ны 1970-х гг. Новая волна укрепления государственной состоятельности в данном регионе наблюдается в 2000-е гг. в связи с заметным ускорением темпов экономического роста практически во всех странах этого региона (Коротаев, Ходунов и др. 2012; Grinin, Korotayev 2022). Данный процесс был прерван событиями «арабской весны», охватившими все страны рассматриваемого региона и особенно сильно отразившимися на государственной состоятельности Ливии (Barmin 2022; Grinin *et al.* 2019: 195–202; см. подробнее ниже).

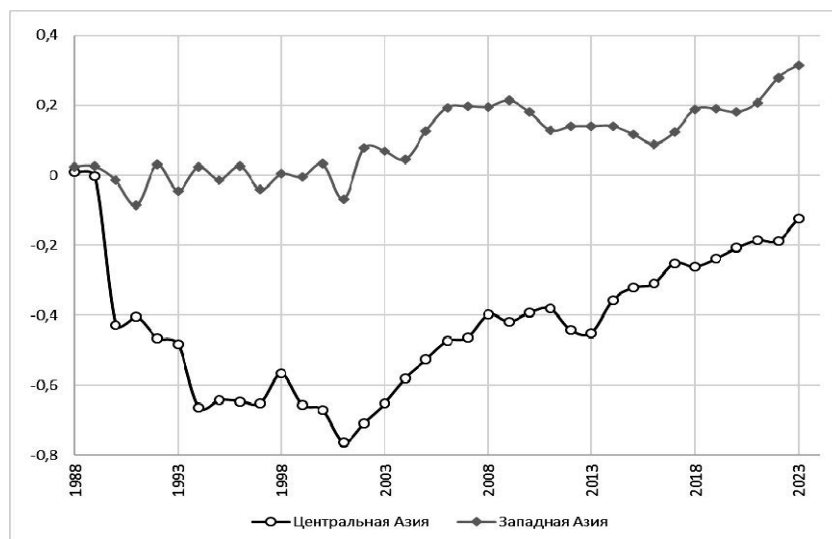
В Африке южнее Сахары существенное падение среднего индекса государственной состоятельности фиксировалось во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. После этого темпы снижения среднего значения индекса государственной состоятельности стран Африки южнее Сахары существенно замедлились, однако общая тенденция к снижению этого индекса продолжилась до 2005 г. (хотя данное снижение в течение большей части этого периода шло несравненно более медленными темпами, чем во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг.). В середине 2000-х гг. государствам Африки южнее Сахары рассматриваемую опасную тенденцию удалось переломить (о некоторых причинах этого см., например: Коротаев и др. 2020).

Во второй половине 2000-х – 2010-х гг. наметилась тенденция к укреплению государственной состоятельности стран Африки южнее Сахары – хотя в середине 2010-х гг. и наметилась угроза ее нового перелома в тесной связи с экспансией влияния «Исламского государства»⁹ и значительной активизацией деятельности исламистских экстремистских («джихадистских») вооруженных формирований (Фитуни, Абрамова 2014; Лебедева 2015; Бабкин 2018, 2021; Фитуни 2018; Жерлицына 2020; Гринин 2020в; Денисова, Костелянец 2021; Коротаев, Зинькина и др. 2021; Коротаев, Лиокумович, Хохлова 2021; Huckabey 2013; De Castelli 2014; Harmon 2014; Lounnas 2014, 2019; Kalyvas 2015; Walther, Christopoulos 2015; Ibrahim 2017; Baldaro, Seydou 2020; Nsaibia, Weiss 2020). В любом случае рост среднего значения индекса государственной состоятельности стран Африки южнее Сахары в 2005–2019 гг. шел крайне медленно; однако после 2019 г. темпы этого роста заметно ускорились (о возможных причинах этого см., например: Гри-

---

⁹ Организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена.

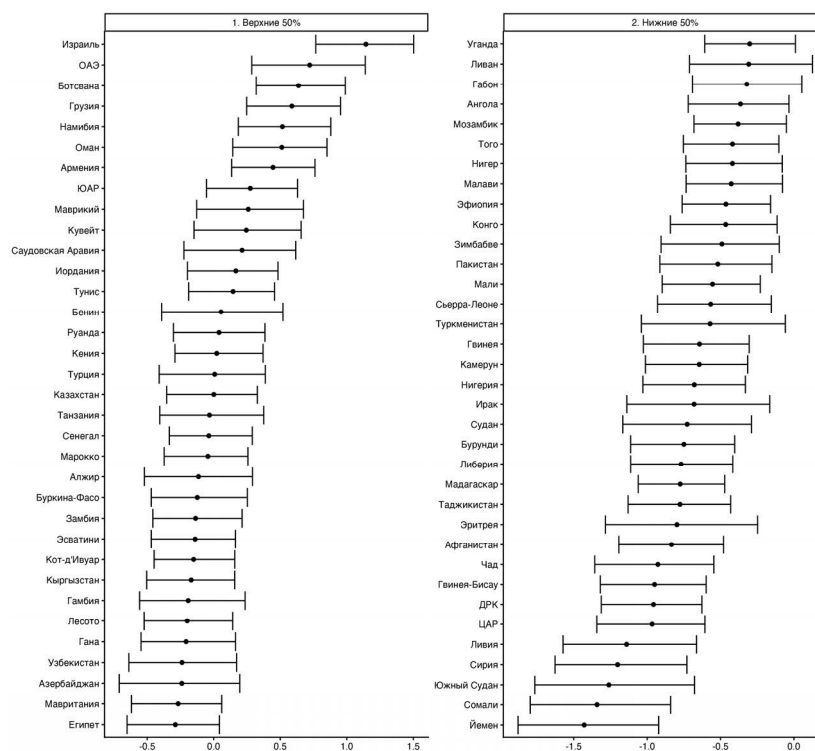
нин А. Л. и др. 2024; Гринин, Коротаев 2024; Еремин и др. 2024; Grinin, Korotayev 2023, 2024; Grinin *et al.* 2025).

Рис. 16. Динамика постериорных оценок индекса государственной состоятельности для различных регионов афразийской макрзоны неустойчивости, 1988–2023 гг. Западная и Центральная Азия

Применительно к странам Центральной Азии обращает на себя внимание прежде всего катастрофическое падение общего индекса государственной состоятельности в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в связи с распадом СССР (см., например: Коротаев, Гринин и др. 2021). Восстановление общего индекса государственной состоятельности стран данного региона наблюдается с начала 2000-х гг. и продолжается почти без перерывов вплоть до настоящего времени. Тем не менее восстановить значения данного индекса, предшествовавшие распаду СССР, странам данного региона до сих пор в полной мере не удалось. Общая динамика государственной состоятельности стран Западной Азии предсказуемым образом имеет достаточно схожий вид с динамикой государственной состоятельности стран Северной Африки. Здесь также наблюдается заметный общий рост среднего значения данного индекса в 2000-е гг. (Коротаев, Малков и др. 2012а). Он также прерывается бурными событиями «арабской весны» (Гринин и др. 2015). Однако после 2020 г. рост среднего значения данного индекса у государств Западной Азии снова возобновляется.

Рассмотрим теперь общее распределение стран афразийской макрзоны по индексу государственной состоятельности на 2019 г. (см. Рис. 2).

Рис. 2. Рейтинг стран согласно постериорным оценкам индекса государственной состоятельности (на 2019 г. с 95%-ными интервалами)¹⁰

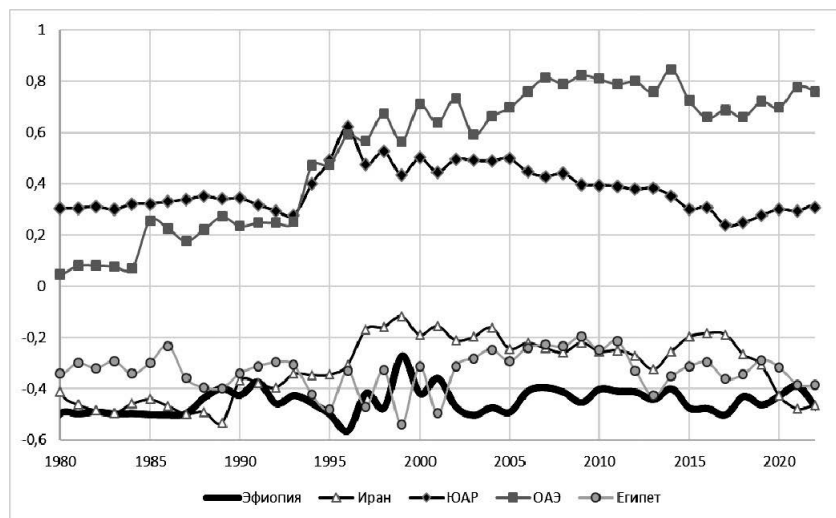
Как мы видим, наиболее высокие позиции в данном рейтинге занимают исламские монархии Западной Азии¹¹, страны Южной Африки (Ботсвана, Намибия, ЮАР), а также постсоветские государства Закавказья. Предсказуемым образом очень высокий индекс государственной состоятельности фиксируется для Израиля и Маврикия. Среди стран Тропической Африки повышенным индексом государственной состоятельности характеризуются Руанда, Бенин,

¹⁰ Напоминаем, что в наш анализ включены только страны с населением более 1 млн человек по состоянию на 2000 г.

¹¹ О причинах данного явления см., например: Korotayev, Khokhlova 2022, 2025.

Кения и Сенегал. Среди постсоветских стран Центральной Азии наиболее высокий индекс государственной состоятельности фиксируется для Казахстана. Наиболее низкие значения индекса государственной состоятельности мы видим для Йемена, Сомали, Южного Судана, Сирии, Ливии, ЦАР, ДРК. В целом среди стран с наиболее низкими значениями данного индекса преобладают государства Тропической Африки. Среди государств постсоветской Центральной Азии наиболее низкое значение индекса государственной состоятельности фиксируется для Таджикистана. Среди государств Ближнего и Среднего Востока особо низкое значение данного индекса, наряду с Йеменом и Сирией, наблюдается для Афганистана, Ирака и Пакистана, – хотя, конечно, показатели Ирака и Пакистана заметно выше.

Рассмотрим теперь динамику индекса государственной состоятельности для стран афразийской макрзоны, являющихся членами объединения БРИКС (см. Рис. 3).

Рис. 3. Динамика постериорных оценок индекса государственной состоятельности для стран афразийской макрзоны нестабильности, входящих в состав объединения БРИКС+, 1960–2022 гг.

В целом, как мы видим, эту группу стран можно разделить на две подгруппы: страны с более высоким индексом государственной состоятельности (ОАЭ, ЮАР) и страны с более низкими значениями данного индекса (Египет, Иран, Эфиопия).

ОАЭ демонстрировали достаточно устойчивую тенденцию роста индекса государственной состоятельности начиная с года создания этого федеративного государственного объединения (1971 г.). В XXI в. значения этого индекса для ОАЭ стабилизировались на очень высоком уровне (Хайруллин, Коротаев 2023б). Эксперты отмечают высокий уровень военной эффективности, характерный для ОАЭ (Roberts 2020), а также сочетание жесткой политики гражданства с программами временной занятости, за счет которого «политические элиты развивают свои ресурсы, концентрируя перераспределение активов в руках очень небольшого процента от общей численности населения» (Logi 2013: ii). Это сочетание привело к развитию разветвленного аппарата безопасности, который «предотвращает формирование горизонтальных связей, подавляя политическое инакомыслие и забастовки путем депортации или денатурализации агитаторов» (*Ibid.*; см. также: Logi 2022).

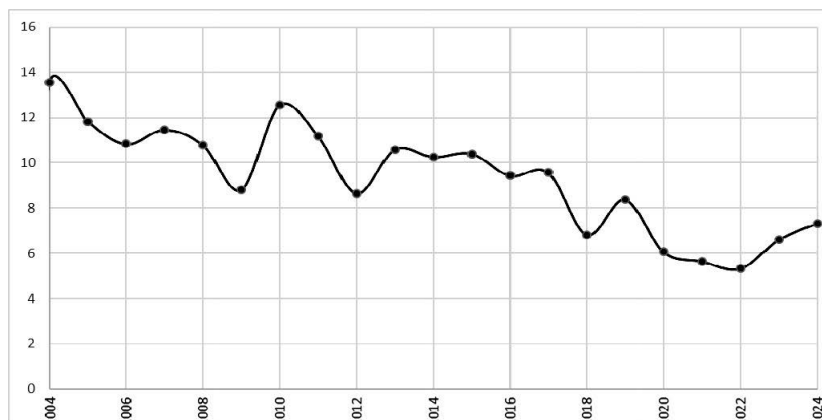
Другой африканской страной – членом БРИКС с достаточно высоким индексом государственной состоятельности является ЮАР. Своего пика значение этого индекса для данной страны достигло в середине 1990-х гг., вскоре после ликвидации режима апартеида. Однако в дальнейшем из-за целого ряда кризисных явлений в экономической и социально-политической сфере наблюдалась достаточно устойчивая тенденция к снижению индекса государственной состоятельности данной страны (см., например: Садовничий и др. 2014: 207–218). Тем не менее во второй половине 2010-х гг. эту тенденцию удалось в заметной степени приостановить (Там же: 80–91).

В Иране достаточно выраженная тенденция к росту индекса государственной состоятельности наблюдалась после того, как на посту Высшего руководителя Ирана Рухоллу Хомейни сменил в 1989 г. Али Хаменеи. Индекс государственной состоятельности Ирана оставался на уровне заметно более высоком, чем в период правления Хомейни, вплоть до прихода в США к власти Дональда Трампа, вышедшего из Совместного всеобъемлющего плана действий, также известного как Соглашение по иранской ядерной программе, и инициировавшего крайне жесткие санкции против Ирана (Садовничий и др. 2024: 115–126; Kozhanov 2022).

В Арабской Республике Египет определенное укрепление индекса государственной состоятельности наблюдалось в 2000-е гг. Египетская революция 2011 г. привела к заметному снижению индекса государственной состоятельности (Коротаев, Зинькина 2011; Гринин, Коротаев 2014; Исаев, Коротаев 2014; Коротаев, Исаев 2014; Korotayev, Zinkina 2011, 2022; Korotayev *et al.* 2016a; Malkov

et al. 2020). После революции 30 июня / переворота 3 июля 2013 г. тенденцию к снижению индекса государственной состоятельности удалось остановить и добиться некоторого увеличения его значения (ср.: Коротаев, Малков, Мещерина 2019; Мещерина и др. 2020; Хайруллин, Коротаев 2023а; Mansour, Elhefnawy 2022). Однако выйти на уровень, достигнутый к концу правления Хосни Мубарака, администрации Абдул-Фаттаха ас-Сиси пока что не удалось.

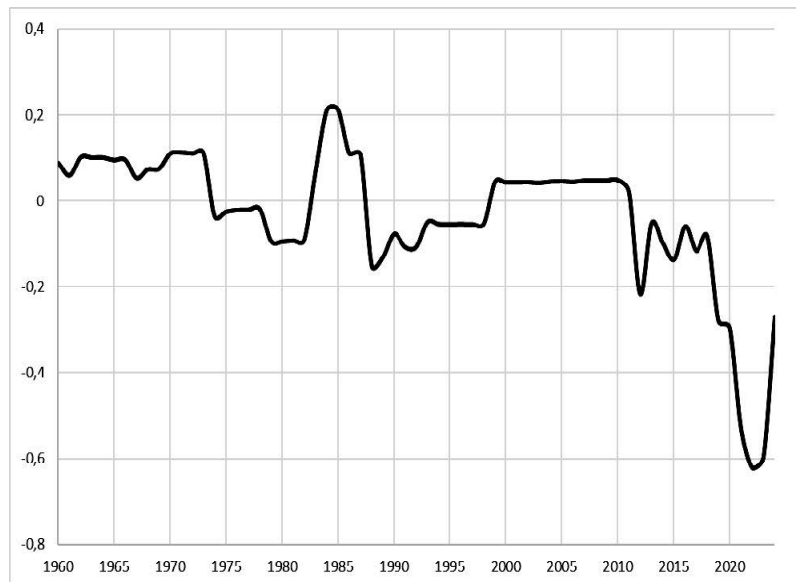
Некоторого увеличения индекса государственной состоятельности после его падения к чрезвычайно низким значениям в 1996 г. в результате продолжительного периода крайней внутривнутриполитической нестабильности Эфиопии удалось добиться во многом за счет создания более или менее работающей федеративной системы (Fiseha 2018, 2019; Getahun 2024). Некоторые исследователи отмечают, что гипотетический отказ от федеративной системы в пользу унитарного государства оказал бы серьезнейшее отрицательное влияние на перспективы развития страны (Wayessa 2021). Однако дальнейшего роста индекса государственной состоятельности Эфиопии добиться так и не удалось. Вместе с тем эфиопский случай показывает определенную ограниченность рассматриваемого индекса государственной состоятельности, так как, несмотря на его низкие значения, Эфиопии удалось добиться чрезвычайно высоких темпов экономического роста в период с 2004 г. вплоть до настоящего времени; более того, эти темпы выше, чем у всех остальных стран – членов БРИКС, и являются одними из самых высоких в мире в целом (см. Рис. 4; см. также: Садовничий и др. 2024: 127–136).

Рис. 4. Погодовые темпы роста ВВП Эфиопии, %, 1962–2024 гг.

Ряд ученых рассматривает современную Эфиопию как хрупкое государство. Например, Э. Байе, интерпретируя «государственную хрупкость», «несостоятельность государства» и «коллапс государства» как концепции, связанные со способностью государства осуществлять монополию на законное применение насилия и эффективно выполнять свои основные функции, приходит к выводу, что «Эфиопия в настоящее время находится в нестабильном состоянии и в начале процесса скатывания к государственному краху. Эта очевидная слабость государства имеет разрушительные последствия для региона, учитывая, помимо прочего, его прежнюю стабилизирующую роль, большую численность населения и общую границу с другими региональными государствами» (Bayeh 2022: 463). Однако проведенный нами анализ свидетельствует о том, что в определенных отношениях государственная состоятельность Эфиопии находится на достаточно высоком уровне, что должно быть учтено при дальнейшем совершенствовании индекса государственной состоятельности (ср.: Садовничий и др. 2024: 127–136).

Рассмотрим теперь динамику индекса государственной состоятельности для отдельных ключевых стран афразийской макрзоны. Начнем это рассмотрение с Буркина-Фасо (см. Рис. 5).

Рис. 5. Динамика постериорных оценок индекса государственной состоятельности для Буркина-Фасо, 1960–2023 гг.

График динамики индекса государственной состоятельности Буркина-Фасо демонстрирует не линейную траекторию упадка или роста, а сложное циклическое положение «хрупкого равновесия», периодически нарушаемого проявлениями социально-политической дестабилизации. При этом с 1960 г. общий тренд индекса в Буркина-Фасо – негативный. Страна постепенно смещается от состояния хрупкой нестабильности к состоянию хронической нестабильности. Циклы кризисов государственности с последующим частичным восстановлением не позволяют Буркина-Фасо добиться стабильного социально-экономического развития, оставляя ее с каждым разом более уязвимой (Haavik *et al.* 2022).

С 1960 по 1973 г. имела место эпоха относительной, но хрупкой стабильности (Englebert 1996). Период колебаний вблизи низкого, но стабильного значения (0–0,1) показывает, что молодое государство смогло достичь минимального, но функционального уровня состоятельности, достаточного для поддержания порядка. Этот период, как и этап 2000–2011 гг., отражает стагнирующую стабильность, при которой государство избегает кризиса ценой отсутствия адекватной модернизации и институционального развития. Несмотря на череду государственных переворотов в первые десятилетия независимости, общий индекс государственной состоятельности не демонстрировал катастрофических провалов. Это свидетельствует о том, что сама по себе смена режимов в этот период не подрывала государственные институты, несмотря на их формирующийся характер. Буркина-Фасо обладала достаточной институциональной инерцией, чтобы сохранять минимальный уровень государственной состоятельности. Корреляция с типом политического режима в этот период уже прослеживается: военные режимы демонстрировали способность удерживать определенный уровень состоятельности и устойчивости, однако любые попытки либерализации или смены власти немедленно оборачивались резким спадом (Ouedraogo 2015). Это указывает на структурную характеристику: централизация власти временно стабилизирует систему, но не создает основ для долгосрочного развития.

Резкий взлет индекса до фактически исторического максимума в период правления Тома Санкары (1983–1987 гг.) с последующим обвалом до минимума (–1,3) после его убийства демонстрирует разрыв между мобилизационными усилиями и институциональной прочностью. Санкара показал, что даже в бедной стране можно до-

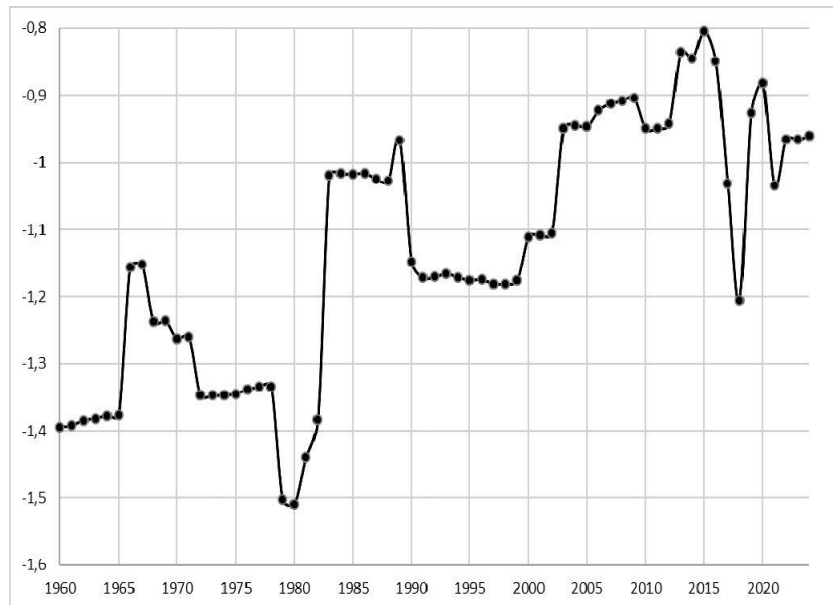
стичь значительного укрепления государственной состоятельности за счет централизации власти, идеологической консолидации общества и мобилизации населения на реализацию крупных инфраструктурных и сельскохозяйственных проектов, а также развитие систем здравоохранения и образования (Коротаев, Бобарыкина, Хохлова 2021; Тамбела 2024; Коротаев, Аскеров и др. 2025; Korotayev, Fain *et al.* 2025). В отличие от более ранних переворотов, его политика представляла собой радикальную перестройку устоявшихся административных практик. Созданная модель была чрезвычайно хрупкой и не успела институционализироваться. Катастрофический обвал после 1987 г. наглядно демонстрирует, что состоятельность, не закрепленная государственными и политическими институтами, может быть мгновенно обращена вспять (Harsch 2014).

Период долгого восстановления с последующей стабилизацией на докризисном уровне (0–0,05) под руководством Блеза Компаоре (1987–2014) отражает способность государства к восстановлению после периода нестабильности. Однако длительная стабилизация не привела к качественному росту состоятельности и устойчивости (Frère, Englebert 2015; Hilgers 2010). Государство вновь оказалось в уязвимом положении, не готовое к внешним вызовам, что проявилось с началом «арабской весны» 2011 г. (Исаев и др. 2022а) и вооруженного конфликта в Сахеле в 2012 г., который с 2015 г. распространился на территорию Буркина-Фасо (Они же 2022б).

После 2012 г. динамика индекса показывает не просто очередной упадок, а деградацию государственной состоятельности: периоды восстановления становятся все короче, а кризисы все острее. Если в 1980–1990-х гг. государству удавалось компенсировать спады постепенным возвращением к стабильности, то с начала 2010-х гг. этот механизм перестал работать. Фаза восстановления все не начинается, что указывает на вхождение в фазу хронической нестабильности, когда внутренние ресурсы уже не способны поддерживать прежний уровень состоятельности. Впоследствии кризис государственности в Буркина-Фасо приобрел характер нисходящей ступенчатости: снижение состоятельности проявлялось не как одноразовый обвал, а как серия шоков, каждый из которых опускал значение индекса на новый, более низкий уровень: –0,3 в 2020 г., –0,5 в 2021 г. и, наконец, –0,6 в 2022 г.

Рекордно низкие значения индекса в 2022–2023 гг. указывают на то, что приход военных к власти и ограничение гражданских институтов стали не решением, а следствием углубления системного кризиса (Коротаев, Аскеров и др. 2025; Fain *et al.* 2024). При этом режим Траоре усиливает контроль, успешно интегрируя в вооруженные силы местное ополчение и группы самообороны, что повышает легитимность власти в отдаленных от центра районах и способствует частичному укреплению государственной состоятельности (Saidou, Honig 2024). Последующая относительная стабилизация в 2024 г. (до $-0,3$) согласуется с тактическим укреплением состоятельности на фоне сохранения стратегически низкого уровня государственной устойчивости. График иллюстрирует, что даже централизация власти и активная мобилизация ресурсов в 2023–2024 гг. пока не позволили Буркина-Фасо вернуться на докризисный уровень начала 2010-х гг., лишь подтверждая общую тенденцию к сокращению и ослаблению каждой последующей восстановительной фазы.

Рассмотрим теперь динамику индекса государственной состоятельности для другой страны Сахеля – Республики Чад (см. Рис. 6).

Рис. 6. Динамика постериорных оценок индекса государственной состоятельности для Чада, 1960–2023 гг.

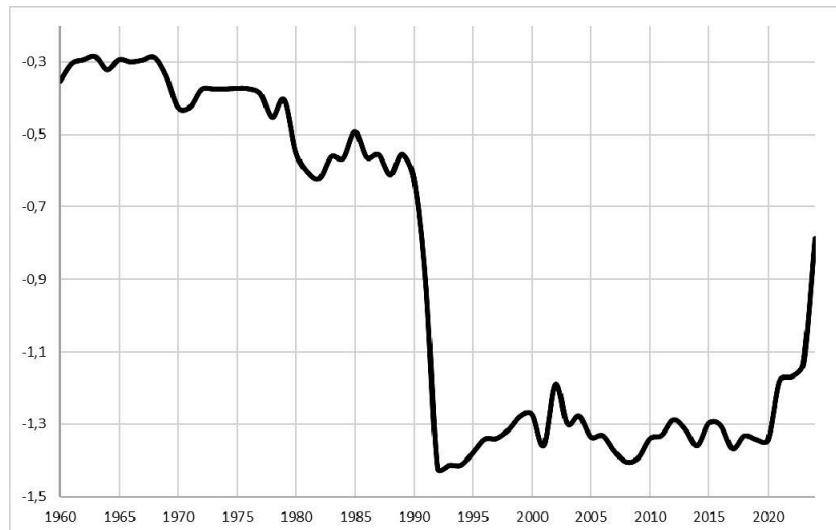
Как показано на Рис. 6, на протяжении всего периода существования независимого Чада страна демонстрировала низкий уровень государственной состоятельности. Получив независимость в 1960 г., Чад демонстрировал медленный рост уровня государственной состоятельности вплоть до середины 1960-х гг. Переломным моментом стала вторая половина 1965 г., когда в г. Мангалме вспыхнуло восстание, спровоцированное ростом налогов (Azevedo 1998). Президент Ф. Томбалбай предпринял попытку силового подавления мятежа, однако в результате протесты перекинулись на всю провинцию Гера в центре Чада. Невозможность центральных властей разрешить конфликт вылилась в полномасштабную гражданскую войну, которая продолжалась вплоть до 1979 г.

Следует отметить, что Чад в 1960–1970 гг. был не одинок в своей междоусобице, поскольку в те времена центральные власти сразу нескольких африканских стран сражались с повстанцами, выступавшими по большей части под сепаратистскими лозунгами; но чадские партизаны отличались от остальных одной важнейшей особенностью: среди них не было сторонников сецессии, поскольку почти все они оставались националистами, выступавшими за единый и неделимый Чад в прежних колониальных границах (Azevedo 1998: 125). Резкое укрепление государственной состоятельности в Чаде в самом начале 1980-х гг. было связано с окончанием гражданской войны. В 1979 г. вышедший победителем «Фронт национального освобождения Чада» сформировал Переходное правительство национального единства во главе с Г. Уэддеем. Однако в 1982 г., после ряда кровавых перипетий, шаткое «революционное» правление сменилось жестокой диктатурой Х. Хабре, который стоял во главе «Вооруженных сил Севера» – конкурирующей партизанской армии, сумевшей выйти победительницей из чадской «войны всех против всех» (Powell 2021; Butt, Collins 1999). Установление режима Х. Хабре привело к стабилизации уровня государственной состоятельности, которая оставалась практически неизменной вплоть до начала очередной междоусобицы в 1989 г. К этому моменту внутри военного режима начала формироваться фронда в лице И. Деби и Х. Джамуса, которым удалось сформировать Патриотическое движение спасения и осенью 1990 г. выдвинуться в сторону Нджамены. Этим во многом объясняется и резкое падение уровня государственной состоятельности (на 0,2 п.) в 1990 г.

Правление И. Деби смогло относительно консолидировать северные элиты, а также сформировать временный статус-кво между

южанами и северянами при почти тотальном доминировании во власти последних. Впрочем, 1990-е и 2000-е гг. также прошли под лозунгами «демократического обновления», которое, помимо всего прочего, сулило децентрализацию и передачу целого ряда управленческих прерогатив на места (Djimassal 2019). Однако ряд политических реформ, инициированных И. Деби в середине 2010-х гг., напротив, усилил позиции президента и центральных властей, что спровоцировало новый всплеск центробежных тенденций в стране и активизацию повстанческих движений, которые, как это уже бывало в истории Чада, пользовались поддержкой со стороны соседних государств. Все это предопределило очередной период нестабильности в конце 2010-х – начале 2020-х гг., что можно видеть на Рис. 6. Новый этап стабилизации государственной состоятельности наступил после убийства И. Деби в 2021 г. и назначения на пост временного президента его сына М. Деби. Данное решение во многом позволило сплотить северные элиты, которые сочли его компромиссной фигурой, перед лицом возможного усиления южан (ср.: Vogel 2024).

Обратимся теперь к рассмотрению динамики индекса государственной состоятельности Федеративной Республики Сомали (см. Рис. 7).

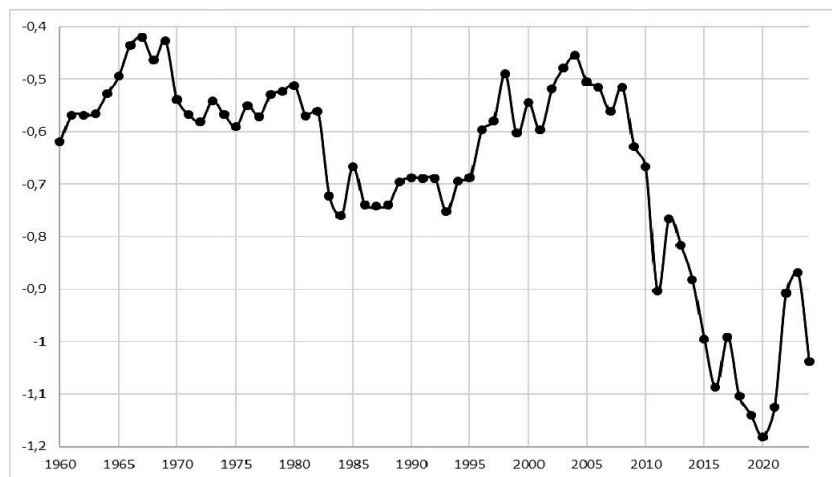
Рис. 7. Динамика постериорных оценок индекса государственной состоятельности для Сомали, 1960–2023 гг.

После обретения независимости, в 1960–1990-х гг., наблюдался общий вполне выраженный, но достаточно плавный тренд к снижению индекса государственной состоятельности. Заметное ускорение снижения этого индекса наблюдалось после поражения в сомалийско-эфиопской войне в Огадене (1977–1978 гг.), спровоцировавшего начало национально-сепаратистского революционного выступления в Сомалиленде, а также нарастание недовольства режимом Мохаммеда Сиада Барре в центральных и южных провинциях этой страны (Korotayev, Voronina 2024). Однако полномасштабный обвал индекса государственной состоятельности наблюдался здесь в 1990–1992 гг. в результате победы Сомалийской революции, свержения режима Сиада Барре, закончившегося развертыванием полномасштабной гражданской войны и фактическим крахом сомалийской государственности (Коновалов 2010). До некоторой степени переломить тенденцию к снижению индекса государственной состоятельности удалось в 2008 г. после заключения соглашения между переходным федеральным правительством Сомали и умеренными исламистами из Альянса нового освобождения Сомали, сформировавшегося на основе умеренной части Союза исламских судов. В январе 2009 г. бывший глава Союза исламских судов шейх Шариф Ахмед стал президентом Сомали. Это позволило совместными усилиями организовать отпор натиску радикальных исламистов из движения «Харакат аш-Шабаб»¹² (Korotayev, Voronina 2024). Определенную роль сыграло и формирование более-менее работающей федеральной структуры (Коротаяев, Хайруллин 2024). Впрочем, несмотря на заметное увеличение индекса государственной состоятельности Сомали в последние годы, риски его нового падения в результате нового натиска радикальных исламистов остаются в высшей степени серьезными, так как об их сколько-нибудь полном разгроме говорить до сих пор не приходится (Besenyő, Sinkó 2024; Askerov *et al.* 2025).

Рассмотрим теперь динамику индекса государственной состоятельности Ливии (см. Рис. 8).

---

¹² Организация признана террористической, ее деятельность на территории России запрещена.

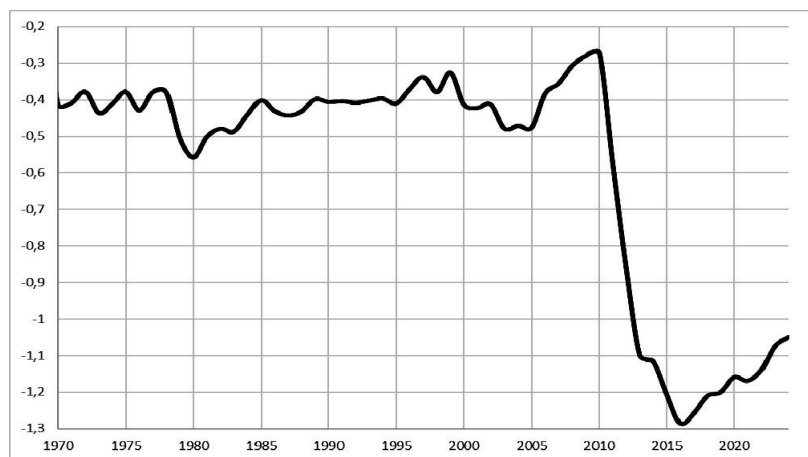

Рис. 8. Динамика постериорных оценок индекса государственной состоятельности для Ливии, 1960–2023 гг.

Как мы видим, снижение индекса государственной состоятельности в Ливии началось после 2004 г. Однако его обвальное падение пришлось на 2011 г. в связи с «арабской весной», проявившей себя в этой стране в виде Ливийской революции и иностранной интервенции, свергнувшей режим Муаммара Каддафи (Erdag 2017; McQuinn 2013; Barmin 2022; Grinin *et al.* 2019: 195–202). Развитие внутривосточной ситуации в Ливии в 2012–2013 гг. вселяло в некоторых экспертов оптимизм, связанный с «институциональными символами зарождающейся демократии» (Boduszyński, Pickard 2013). Однако последующие события развивались по совершенно иной траектории. Действительно, уже в 2014 г. индекс государственной состоятельности Ливии опустился до еще более низкого уровня, чем в 2011 г., в результате антиисламистского революционного выступления под руководством Халифы Хафтара, начавшегося 16 мая 2014 г. и приведшего к распаду Ливии на два государственных образования – одно с центром в Триполи, другое с центром в Тобруке (Коротаев, Исаев, Шишкина 2021; Dellai 2025). В академическом сообществе сохраняются различные точки зрения на этот процесс: некоторые утверждают, что крах государственных институтов вновь разжег племенную, политическую, религиозную и идеологическую напряженность (Carboni, Moody 2019); другие же, напротив, указывают на то, что в Ливии сформировались четкие субнациональные политические порядки, в которых акторы участ-

вуют в государственных практиках, движимых местными интересами (Carboni, Moody 2019). В 2020 г. индекс государственной состоятельности в Ливии достиг минимального значения за весь рассматриваемый период на фоне очередного возобновления гражданской войны и наступления отрядов Халифы Хафтара на Триполи. В дальнейшем ливийцам удалось добиться стабилизации (как результат – некоторое восстановление уровня государственной состоятельности) за счет возобновления диалога между Триполи и Тобруком, однако назвать этот процесс устойчивым нельзя.

Рассмотрим теперь динамику индекса государственной состоятельности в Сирийской Арабской Республике (см. Рис. 9).

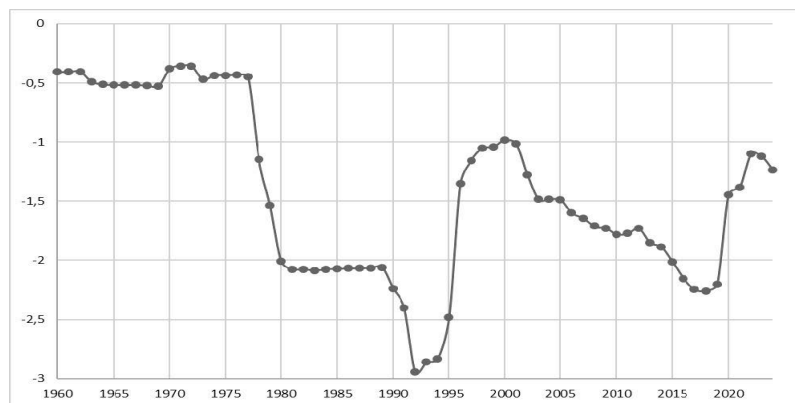

Рис. 9. Динамика постериорных оценок индекса государственной состоятельности для Сирии, 1960–2023 гг.

В период правления Хафеза Асада (1971–2000 гг.) заметных изменений индекса государственной состоятельности в Сирийской Арабской Республике не фиксируется. Заметное увеличение значения данного индекса наблюдалось уже в период правления Башара Асада во второй половине 2000-х гг. в результате экономических реформ, проводившихся новой администрацией (Matar 2016, 2020). С одной стороны, либеральные экономические реформы Башара Асада привели к ускорению экономического роста, однако, с другой стороны, следствием этих реформ стало усиление социально-политической нестабильности, что трагическим образом сказалось после начала «арабской весны». Начало сирийской революции и перерастание ее в 2012 г. в полномасштабную гражданскую войну

(Гринин и др. 2015; Akhmedov 2022; Phillips 2022), в которой участвовали не только правительственные и оппозиционные силы, но и различные исламистские группировки и зарубежные акторы (Васильев и др. 2019), привели к обвальному падению индекса государственной состоятельности. Тенденцию к падению значения этого индекса удалось остановить в 2016 г., в том числе и благодаря начавшейся в 2015 г. военной операции РФ, после чего значение индекса государственной состоятельности Сирии показывало определенную тенденцию к росту, но рост этот шел крайне медленно, и уровень, достигнутый к 2024 г., все еще оставался несопоставимо ниже докризисного уровня. Таким образом, можно сказать, что восстановление государственной состоятельности в Сирии в 2016–2024 гг. происходило, но крайне медленными темпами, совершенно недостаточными для того, чтобы предотвратить падение режима Башара Асада (Ахмедов 2025).

Определенную специфику демонстрирует и динамика индекса государственной состоятельности Афганистана (см. Рис. 10).

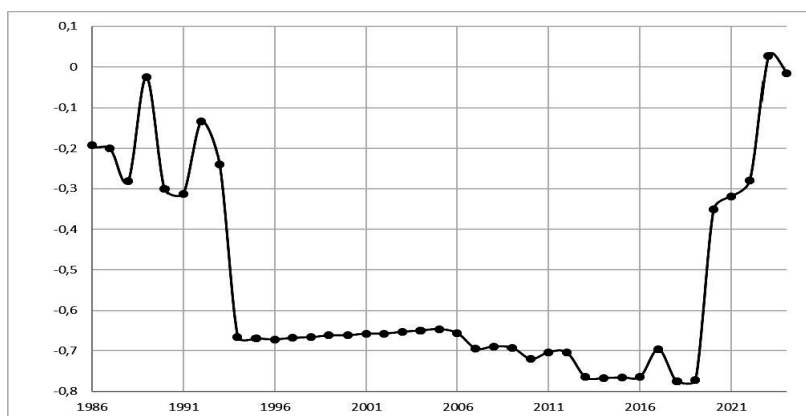

Рис. 10. Динамика постериорных оценок индекса государственной состоятельности для Афганистана, 1960–2023 гг.

Как мы видим, падение режима М. Наджибуллы сопровождалось обвальным падением индекса государственной состоятельности Афганистана. Нельзя не отметить, что создание талибами в 1996 г. первого Исламского Эмирата Афганистан и распространение его контроля на большую часть страны привели к заметному укреплению индекса государственной состоятельности страны. Однако американская интервенция привела к заметному падению индекса; при этом созданной при поддержке США Исламской Рес-

публике Афганистан в период правления Хамида Карзая (2004–2014 гг.) и Ашрафа Гани (2014–2021 гг.) так и не удалось остановить его дальнейшее падение (ср.: Runion 2017; Shahrani 2018; Tanner 2025). К 2019–2020 гг. индекс упал до уровня, который был даже ниже, чем в период, предшествовавший выводу советских войск из Афганистана (февраль 1989 г.). В связи с этим представляется неслучайным тот факт, что вывод американских войск из Афганистана привел к падению опиравшейся на американскую военную поддержку Исламской Республики Афганистан и воссозданию контролируемого талибами Исламского Эмирата Афганистан. Примечательно, что новый приход к власти талибов сопровождался заметным укреплением государственной состоятельности Афганистана – примерно до уровня, предшествовавшего началу американской интервенции (Коротаяев, Исаев, Аскеров 2022).

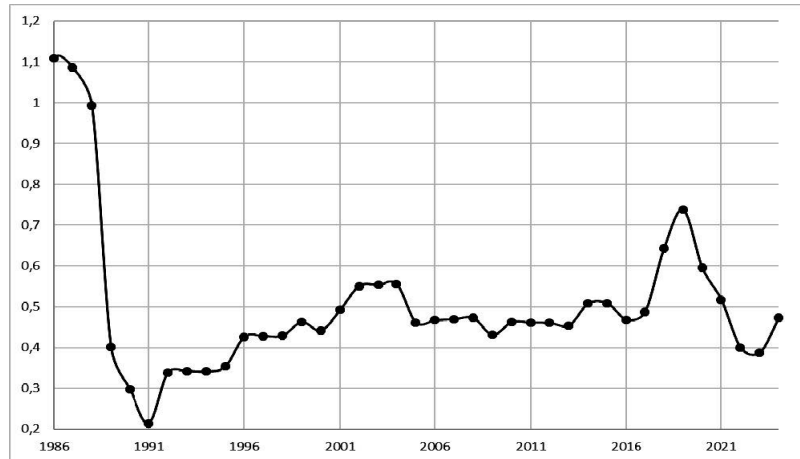
В заключение рассмотрим динамику индекса государственной состоятельности двух закавказских стран – Азербайджана и Армении (см. Рис. 11 и 12 соответственно).

Рис. 11. Динамика постериорных оценок индекса государственной состоятельности для Азербайджана, 1986–2023 гг.

Нетрудно видеть, что обвальное падение индекса государственной состоятельности Азербайджана пришлось на 1992–1993 гг. Нет особых сомнений, что резкое падение государственной состоятельности внесло заметный вклад в поражение Азербайджана в Первой карабахской войне. Однако в Армении обвальное падение индекса государственной состоятельности наблюдалось в 1987–1991 гг., в то время как после этого началось его заметное укрепление, что, очевидно, весьма способствовало победе Армении в войне.

Очень значительное укрепление индекса государственной состоятельности Азербайджана наблюдалось в 2018–2020 гг., что напрямую связано с вполне успешными попытками администрации Алиева укрепить силовой потенциал страны. Однако в Армении в 2018–2020 гг. после «бархатной революции» 2018 г. наблюдалось ошутимое падение индекса государственной состоятельности. Все это не могло не внести свой вклад в решительную победу Азербайджана во Второй карабахской войне (27.09.2020–10.11.2020). Государственная состоятельность Азербайджана продолжала укрепляться и в 2020–2023 гг., в то время как в Армении она продолжала ослабевать со вполне предсказуемым результатом – окончательной победой Азербайджана в Третьей карабахской войне (сентябрь 2023 г.) (ср.: Гусейнов 2025; Derluigian, Novhannisyanyan 2022).

Рис. 12. Динамика постериорных оценок индекса государственной состоятельности для Армении, 1960–2023 гг.

Заключение

Нами предпринята попытка использования концепта государственной состоятельности для построения соответствующего индекса в отношении стран афразийской макрзоны нестабильности. Основываясь на методологии Дж. Хансена и Р. Сигман, был уточнен и расширен набор показателей, который позволил получить оценки уровня государственной состоятельности. Кроме того, был существенно расширен временной диапазон анализируемых наблюдений вплоть до 2024 г. В концептуальном плане государственная

состоятельность имеет три измерения в виде принуждающей, административно-бюрократической и экстрактивной способностей.

Такая концептуализация в целом отражает современные представления о государстве и его прерогативах, но операционализация, как часто бывает со сложными концептами, несовершенна. Точнее, показатели, используемые для построения индекса и расчета рейтингов по годам, не в полной мере отражают специфическую реальность конкретных стран и регионов. Подобные пробелы могут частично компенсироваться страновой и региональной экспертизой.

При всех ограничениях и концепт, и предлагаемые подходы к измерению дают полезные результаты. Как свидетельствуют приведенные выше данные по динамике государственной состоятельности в странах афразийской макрзоны нестабильности, полученные оценки обладают достаточной точностью (при соотношении со страновой и региональной экспертизой) и в дальнейшем могут быть использованы в прогнозировании изменений индекса. В целом использование рассматриваемого индекса позволило нам выявить основные тренды изменения государственной устойчивости и государственной состоятельности ключевых стран афразийской макрзоны нестабильности (включая и страны Африки южнее Сахары).

Показатели индекса могут быть также использованы для уточнения политики России (и объединений/организаций с ее участием) при выстраивании отношений со странами афразийской макрзоны в части оценки возможных рисков.

Литература

Ахмедов, В. М. 2025. Крах режима аль-Асада и сирийская перспектива: региональные и международные измерения. *История и современность* 1: 3–29.

Ахременко, А. С., Горельский, И. Е., Мельвиль, А. Ю. 2019. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания. *Полис. Политические исследования* 2: 8–23.

Бабкин, С. Э.

2018. Политическая конфликтология о реорганизации джихадистских группировок в Сахеле. *Вестник Института востоковедения РАН* 2: 118–127.

2021. О джихадистских группировках в зоне Сахеля и раскладе сил между ними. *Вестник Института востоковедения РАН* 1: 218–224.

Васильев, А. М., Исаев, Л. М., Коротаяев, А. В., Кожанов, Н. А., Мардасов, А. Г., Семенов, К. В., Хайруллин, Т. Р. 2019. *Схватка за Ближний Восток. Региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта*. М.: Ленанд/URSS.

Голдстоун, Дж. А., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2022. Волны революций XXI столетия. *Полис. Политические исследования* 4: 108–119. DOI: 10.17976/jpps/2022.04.09.

Гринин, А. Л.

2024. Мировой порядок и его современное состояние. *Историческая психология и социология истории* 1: 105–130. DOI: 10.30884/ipsi/2024.01.04.

2025. *Борьба за новый мировой порядок. История. Современность. Будущее*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

Гринин, А. Л., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2024. Африканский аспект борьбы за новый мировой порядок. Подъем Африки и усиление соперничества за нее. *История и современность* 3: 87–112.

Гринин, Л. Е.

2008. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета. *Век глобализации* 1: 86–97.

2014. Модернизационные (постмальтузианские) ловушки. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (отв. ред.), *История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов*: ежегодник. Волгоград: Учитель. С. 98–127.

2016. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем. *История и современность* 1: 20–63.

2019. Гл. 2. Модернизация и модернизационные ловушки в процессе развития. В: Гринин, Л. Е. (ред.), *Длинные волны, современная экономика и перспективы грядущих трансформаций в XXI веке*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 51–86.

2020а. Радикальный исламизм, религиозный фактор и дестабилизация в странах афразийской макрзоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 810–828.

2020б. Исламизм, радикализм, постисламизм в их отношении к светским режимам и государственной идеологии. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 829–853.

2020в. Религиозный фактор, радикальный исламизм и дестабилизация в странах афразийской макрзоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 11. Ч. 1. Волгоград: Учитель, 2020. С. 137–147.

2021а. Геополитика как дестабилизирующий фактор в афразийской макрзоне нестабильности. В: Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Малков, С. Ю. (отв. ред.), *Количественный анализ и прогнозирование рисков социально-политической дестабилизации в странах афразийской макрзоны нестабильности*. М.: Ленанд. С. 607–612.

2021б. Роль революций в дестабилизации и реконфигурации Мир-Системы в XXI столетии и в будущем афразийской макрзоны нестабильности. В: Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Малков, С. Ю. (отв. ред.), *Количественный анализ и прогнозирование рисков социально-политической дестабилизации в странах афразийской макрзоны нестабильности*. М.: Ленанд. С. 443–463.

2021в. Как исламизм влияет на модернизацию и политические процессы в исламских странах. В: Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Малков, С. Ю. (отв. ред.), *Количественный анализ и прогнозирование рисков социально-политической дестабилизации в странах афразийской макрзоны нестабильности*. М.: Ленанд. С. 68–85.

2022. Революции в XXI столетии и их роль в дестабилизации и реконфигурации Мир-Системы. *История и современность* 1: 3–40. DOI: 10.30884/iis/2022.01.01.

2023а. Теоретические аспекты процессов дестабилизации и формирования мирового политического порядка. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 14. *Борьба за новый мировой порядок и усиление дестабилизационных процессов в Мир-Системе*. Волгоград: Учитель. С. 153–200. DOI: 10.30884/978-5-7057-6259-0_04.

2023б. Ускорение реконфигурации Мир-Системы в связи с СВО и возможные сценарии будущего. Ст. 1. Как СВО влияет на реконфигурацию Мир-Системы. *Век глобализации* 2: 50–72. DOI: 10.30884/vglob/2023.02.06.

2023в. Ускорение реконфигурации Мир-Системы в связи с СВО и возможные сценарии будущего. Ст. 2. Возможные сценарии реконфигурации Мир-Системы и мирового порядка. *Век глобализации* 3: 87–109. DOI: 10.30884/vglob/2023.03.07.

2023г. Дестабилизация и мировой порядок: некоторые вопросы теории. *История и современность* 4: 3–31. DOI: 10.30884/iis/2023.04.01.

Гринин, Л. Е., Билюга, С. Э., Коротаев, А. В., Гринин, А. Л. 2018. Социально-политическая дестабилизация и возраст государства: предварительные результаты количественного анализа. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (ред.), *История и Математика: социально-экономические аспекты истории и современности*: ежегодник. Волгоград: Учитель. С. 54–80.

Гринин, А. Л., Гринин, Л. Е. 2020. Проблемы нестабильности будущего человечества в докладе Римского клуба. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Волгоград: Учитель. Ч. 1. С. 124–143.

Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л., Коротаев, А. В. 2024. Глобальные трансформации Мир-Системы и контуры нового мирового порядка. *Политическая наука* 2: 124–150. DOI: 10.31249/poln/2024.02.06.

Гринин, Л. Е., Исаев, Л. М., Коротаев, А. В. 2015. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. М.: Учитель.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В.

2014. Революция vs демократия (революция и контрреволюция в Египте). *Полис* 3: 139–158.

2020. Методологические пояснения к исследованию революционных событий. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 854–861.

2023. Теория революции и методология анализа в приложении к революционным событиям XXI в. *История и современность* 3: 5–27. DOI: 10.30884/iis/2023.03.01.

2024. Африка: геополитические мир-системные аспекты и возможности России. *Век глобализации* 4: 20–34.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Шишкина, А. Р. 2015. Введение. Реконфигурация Мир-Системы и усиление рисков политической нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Шишкина, А. Р. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Украинский разлом*. Волгоград: Учитель. С. 4–19.

Гусейнов, Р. И. 2025. Протесты в Армении 2024 г. *История и современность* 2: 84–95.

Денисова, Т. С., Костелянец, С. В. 2021. Раскол в «Боко Харам» и его последствия для региона бассейна озера Чад. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право* 14(2): 214–230.

Еремин, Н. Н., Ситар, К. А., Барановская, Е. И., Орлова, Л. Н., Коротаев, А. В., Фесюн, А. Г., Авдалян, М. Р., Глухова, С. А., Георгиевский, Б. В., Гришин, И. Ю. 2024. Геологические предпосылки энергетических природных ресурсов Африки. *Вестник Московского университета*. Сер. 4: *Геология* 4: 100–113.

Жерлицына, Н. 2020. Перспективы распространения ИГИЛ после разгрома Халифата. *Азия и Африка сегодня* 7: 264–273.

Исаев, Л. М., Коротаев, А. В. 2014. Египетский переворот 2013 года: опыт эконометрического анализа. *Азия и Африка сегодня* 2: 14–20.

Исаев, Л. М., Коротаев, А. В., Бобарькина, Д. А.

2022а. Влияние «арабской весны» на «черную весну» в Буркина-Фасо. *Вестн. Моск. ун-та*. Сер. 13: *Востоковедение* 1: 98–109.

2022б. Глобальная террористическая угроза в Сахеле и истоки терроризма в Буркина-Фасо. *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: *Международные отношения* 22(2): 411–421.

Коновалов, И. В. 2010. *Распад государства и гражданская война в Сомали*. М.: Социально-политическая мысль.

Коротаев, А. В., Аскеров, М.-А. И., Исаев, Л. М. 2025. Августовские события 2024 года в Нигерии (Несостоявшаяся куволуция в контексте западноафриканских политических процессов). *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)* 2(117): 137–159.

Коротаев, А. В., Бобарыкина, Д. А., Хохлова, А. А. 2021. Революционные события в Верхней Вольте / Буркина-Фасо (1960–2021 гг.). В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 12. *Революционные процессы в африканской макрорегии нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель, 2021. С. 371–415.

Коротаев, А., Васькин, И., Билюга, С. 2017. Гипотеза Олсона – Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение* 16(1): 9–49.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Исаев, Л. М. 2021. Введение. Африканская макрорегии нестабильности как важнейший источник рисков дестабилизации в современной Мир-Системе. В: Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Малков, С. Ю., Исаев, Л. М., Филин, Н. А. и др., *Социально-политическая дестабилизация в странах африканской макрорегии нестабильности: количественный анализ и прогнозирование рисков*. М.: Ленанд/URSS. С. 7–50.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Малков, С. Ю., Исаев, Л. М., Филин, Н. А., Билюга, С. Э., Зинькина, Ю. В., Слинко, Е. В., Шишкина, А. Р., Шульгин, С. Г., Мещерина, К. В., Айсин, М. Б., Иванов, Е. А., Кокликов, В. О., Медведев, И. А., Романов, Д. М., Слав, М., Сойер, П. С. 2021. *Социально-политическая дестабилизация в странах африканской макрорегии нестабильности: количественный анализ и прогнозирование рисков*. М.: Ленанд/URSS.

Коротаев, А. В., Зинькина, Ю. В. 2011. Египетская революция 2011 г. (окончание). *Азия и Африка сегодня* 7(648): 15–21.

Коротаев, А. В., Зинькина, Ю. В., Хохлова, А. А., Лиокумович, Я. Б. 2021. Революционные и квазиреволюционные процессы в Нигере. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 12. *Революционные процессы в африканской макрорегии нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель. С. 416–450.

Коротаев, А. В., Исаев, Л. М. 2014. Анатомия египетской контрреволюции. *Мировая экономика и международные отношения* 8: 91–100.

Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Аскеров, М.-А. И. 2022. Реконфигурация исламистских сил в Афганистане и ее последствия для глобальной безопасности. *Вестник Московского университета. Сер. 27: Глобалистика и геополитика* 3: 35–52.

Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Васильев, А. М. 2015. Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. *Социологические исследования* 8 (376): 119–127.

Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Руденко, М. А. 2014. Ортокузенный брак, женская занятость и «афразийская» зона нестабильности. В: Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Шишкина, А. Р., Гринин, Л. Е. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 5. Волгоград: Учитель. С. 180–207.

Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Руденко, М. А. 2015. Формирование афразийской зоны нестабильности. *Восток (Oriens)* 2: 88–99.

Коротаев, А., Исаев, Л., Шишкина, А. 2021. Вторая волна ливийской гражданской войны: факторы и акторы. *Мировая экономика и международные отношения* 65(3): 101–109.

Коротаев, А. В., Лиюкумович, Я. Б., Хохлова, А. А. 2021. Революционные события в Мали (1960–2021 гг.). В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель. С. 329–370.

Коротаев, А. В., Малков, С. Ю., Бурова, А. Н., Зинькина, Ю. В., Ходунов, А. С. 2012. Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события «Арабской весны» 2011 г. В: Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малинецкий, Г. Г., Малков, С. Ю. (отв. ред.), *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 210–276.

Коротаев, А. В., Малков, С. Ю., Мещерина, К. В. 2019. К моделированию процессов социально-политической дестабилизации в Арабской Республике Египет (2010–2019 гг.). В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Мещерина, К. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 10. Волгоград: Учитель. С. 316–336.

Коротаев, А. В., Медведев, И. А., Слинко, Е. В., Шульгин, С. Г. 2020. Эффективность систем глобального мониторинга рисков социально-политической дестабилизации: опыт систематического анализа. *Социологическое обозрение* 19(2): 143–197.

Коротаев, А. В., Мещерина, К. В., Слинко, Е. В., Шишкина, А. Р. 2019. Ценностные ориентации Афразийской зоны нестабильности: гендерные измерения. *Восток (Oriens)* 1: 122–154.

Коротаев, А. В., Шишкина, А. Р., Лухманова, З. Т. 2017. Волна глобальной социально-политической дестабилизации 2011–2015 гг.: количественный анализ. *Полис. Политические исследования* 6: 150–168.

Коротаев, А. В., Хайруллин, Т. Р. 2024. Традиционная кланово-племенная структура и современная политическая система Сомали. *Восток (Oriens)* 1: 137–152.

Коротаев, А. В., Ходунов, А. С., Бурова, А. Н., Малков, С. Ю., Халтурина, Д. А., Зинькина, Ю. В. 2012. Социально-демографический анализ Арабской весны. В: Коротаев, А. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 3. *Арабская весна 2011 года*. М.: ЛИБРОКОМ. С. 28–76.

Лебедева, Э. Е. 2015. «Боко Харам» и региональная нестабильность. *Запад – Восток – Россия 2014*: ежегодник. М.: ИМЭМО РАН. С. 167–173.

Медведев, И. А., Устюжанин, В. В., Жданов, А. И., Коротаев, А. В. 2022. Применение методов машинного обучения для ранжирования факторов и прогнозирования невооруженной и вооруженной революционной дестабилизации в африканской макроне нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 13. Волгоград: Учитель. С. 131–210.

Мещерина, К. В., Малков, С. Ю., Коротаев, А. В. 2020. Анализ уровня социально-политической нестабильности в Египте: современное состояние и прогноз. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 528–557.

Садовничий, В. А., Акаев, А. А., Ильин, И. В., Малков, С. Ю., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2024. *Преодолевая пределы роста. Доклад Римскому клубу*. М.: МГУ.

Садовничий, В. А., Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. 2014. *Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики*. М.: Наука.

Садовничий, В. А., Акаев, А. А., Ильин, И. В., Алешковский, И. А., Андреев, А. И., Билюга, С. Э., Бочарников, В. Н., Гиричева, Е. Е., Голиней, В. А., Гринин, А. Л., Гринин, Л. Е., Давыдова, О. И., Ковалева, Н. О., Коротаев, А. В., Леонова, О. Г., Малков, С. Ю., Мануйлова, Ю. В., Махов, С. А., Мусиева, Д. М., Синицина-Давыдова, Д. А., Устюжанин, В. В., Харина, О. А., Ходунов, А. С. 2024. *Развитие объединения БРИКС в контексте мировой динамики: задачи и перспективы*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2024.

Тамбела, А. Й. К. де. 2024. *Тома Санкара и революция в Буркина-Фасо: Опыт самоориентированного развития*. М.: РАН.

Устюжанин, В. В., Коротаев, А. В. 2022. Регрессионное моделирование вооруженной и невооруженной революционной дестабилизации в африканской макроне нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 13. Волгоград: Учитель. С. 211–244.

Фитунни, Л. Л. 2018. Подразделения и союзники ИГИЛ в Африке: среднесрочный прогноз дальнейшей активности. *Азия и Африка сегодня* 12: 11–17.

Фитуни, Л. Л., Абрамова, И. О. 2014. Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «исламской Африке». *Азия и Африка сегодня* 12: 8–15.

Хайруллин, Т. Р., Коротаев, А. В.

2023а. Влияние пандемии COVID-19 на экономическое развитие стран Северной Африки. Предварительный анализ. *Вестник Московского университета*. Сер. 13. *Востоковедение* 67(4): 175–188.

2023б. ОАЭ в борьбе за региональное лидерство. *Азия и Африка сегодня* 9: 27–35.

Акаев, А., Korotayev, A., Issaev, L., Zinkina, J. 2017. Technological Development and Protest Waves: Arab Spring as a Trigger of the Global Phase Transition? *Technological Forecasting and Social Change* 116: 316–321. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.009.

Akhmedov, V. 2022. The Syrian Revolution. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer Nature. Pp. 707–723.

Askerov, M. A., Issaev, L., Korotayev, A. 2025. Islamist State Formation in Somalia. *Social Evolution & History* 25(2): 78–102.

Azevedo, M. J. 1998. *Roots of Violence: A History of War in Chad*. London; New York: Routledge.

Baldaro, E., Seydou, Y. D. 2020. The End of the Sahelian Exception: Al-Qaeda and Islamic State Clash in Central Mali. *The International Spectator* 55(4): 69–83.

Banks, A. S., Wilson, K. A. 2025. Cross-National Time-Series Data (CNTS). *Databanks International*. Jerusalem. URL: <https://www.cntsdata.com/>.

Barmin, Y. 2022. Revolution in Libya. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 725–738. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_28.

Bayeh, E. 2022. Post-2018 Ethiopia: State Fragility, Failure, or Collapse? *Humanities and Social Sciences Communications* 9: 463. DOI: 10.1057/s41599-022-01490-0.

Besenyő, J., Sinkó, G. 2024. The Role of the Amniyat in Enforcing the Mandate of the Leadership and Silencing Dissent in Somalia. In Besenyő, J., Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *Terrorism and Political Contention: New Perspectives on North Africa and the Sahel Region*. Cham: Springer. Pp. 403–420.

Boduszyński, M. P., Pickard, D. 2013. Tracking the “Arab Spring”: Libya Starts from Scratch. *Journal of Democracy* 24(4): 86–96.

Burr, M., Collins, R. 1999. *Africa's Thirty Years War: Libya, Chad and the Sudan, 1963–1993*. Boulder: Westview Press.

Burrows, M., Manning, R. A. 2022. The U.S. Can't Afford a Double Cold War. *Foreign Policy March* 28. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/03/28/cold-war-russia-china-biden/>.

Carboni, A., Moody, J. 2019. Between the Cracks: Actor Fragmentation and Local Conflict Systems in the Libyan Civil War. In Polese, A., Hanau Santini, R. (eds.), *Rethinking Statehood in the Middle East and North Africa. Security, Sovereignty and New Political Orders*. London: Routledge. Pp. 78–112.

Colby, E. A. 2021. *The Strategy of Denial American Defense in an Age of Great Power Conflict*. New Haven; London: Yale University Press.

Coppedge, M., Gerring, J., Knutsen, C. H., Lindberg, S. I., Teorell, J., Altman, D., Angiolillo, F., Bernhard, M., Cornell, A., Fish, M.S., Fox, L., Gastaldi, L., Gjerløw, H., Glynn, A., Good God, A., Grahn, S., Hicken, A., Kinzelbach, K., Krusell, J., Marquardt, K. L., McMann, K., Mechkova, V., Medzhorsky, J., Natsika, N., Neundorf, A., Paxton, P., Pemstein, D., von Römer, J., Seim, B., Sigman, R., Skaaning, S.-E., Staton, J., Sundström, A., Tannenberg, M., Tzelgov, E., Wang, Y., Wiebrecht, F., Wig, T., Wilson, S., Ziblatt, D. 2025. “V-Dem [Country-Year/Country-Date] Dataset v15” Varieties of Democracy (V-Dem) Project. DOI: 10.23696/vdemds25.

De Castelli, L. 2014. Mali: From Sanctuary to Islamic State. *The RUSI Journal* 159(3): 62–68.

Dellai, H. 2025. The Impact of Non-State Armed Groups on Libya's Peace and Political Transition between 2011–20. *African Conflict & Peacebuilding Review* 15(1): 139–154.

Derluquian, G., Hovhannisyan, R. 2022. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 899–922.

Djimassal, P. 2019. *L'administration publique au Tchad à l'ère de la décentralisation*. Paris: L'Harmattan.

Englebert, P. 1996. *Burkina Faso: Unsteady Statehood in West Africa*. Boulder, CO: Westview Press.

Erdağ, R. 2017. *Libya in the Arab Spring: from Revolution to Insecurity*. Cham: Springer.

Fain, E., Issaev, L., Korotayev, A. 2024. Coupvolution as a Mechanism of Regime Change in the Sahel. In Besenyő, J., Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *Terrorism and Political Contention. New Perspectives on North Africa and the Sahel Region*. Cham: Springer Nature. Pp. 133–150.

Fiseha, A.

2018. Federalism and Development: The Ethiopian Dilemma. *International Journal on Minority and Group Rights* 25(3): 333–368.

2019. Federalism, Development and the Changing Political Dynamics in Ethiopia. *International Journal of Constitutional Law* 17(1): 151–176.

Frère, M.-S., Englebert, P. 2015. Briefing: Burkina Faso – the Fall of Blaise Compaoré. *African Affairs* 114(455): 295–307.

Gelman, A., Carlin, J. B., Stern, H. S., Dunson, D. B., Vehtari, A., Rubin, D. B. 2013. *Bayesian Data Analysis*. 3rd ed. Boca Raton: Chapman and Hall, CRC. DOI: 10.1201/b16018.

Getahun, Y. H. 2024. Hegemonic Party System and Federalism: The Case of the Ethiopian Federal System under the Ethiopian Peoples' Revolutionary Democratic Party (EPRDF). *African Journal of Political Science* 12(1): 37–53.

Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. 2022. Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 1–34. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_1.

Grinin, A., Grinin, L.

2023. The Twenty-First Century Revolutions as a Factor in the Reconfiguration of the World System. *Journal of Globalization Studies* 14(2): 3–26. DOI: 10.30884/jogs/2023.02.01.

2024. Destabilization and World Order: Some Theoretical Issues. *Journal of Globalization Studies* 15(2): 134–154. DOI: 10.30884/jogs/2024.02.08.

Grinin, L. E.

2012a. New Foundations of International System or Why do States Lose Their Sovereignty in the Age of Globalization? *Journal of Globalization Studies* 3(1): 3–38.

2012b. State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Cliodynamics: The Journal of Theoretical and Mathematical History* 3(1): 124–157.

2022. Revolution and Modernization Traps. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer Nature. Pp. 219–238. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_8.

Grinin, L., Grinin, A., Korotayev, A.

2022. 20th Century Revolutions: Characteristics, Types, and Waves. *Humanities and Social Sciences Communications* 9(1): 1–13. 2022. DOI: 10.1057/s41599-022-01120-9.

2025. The Rebalancing of the World Economy, the Rise of the Global South, and Other Processes. In Dygas, R. (ed.), *The Great Convergence and the World System Reconfiguration. Toward a New World Order*. Cham: Springer Nature. Pp. 49–71.

Grinin, L., Korotayev, A.

2012. Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures: The Journal of Global Education* 68(7): 471–505. DOI: 10.1080/02604027.2012.697836.

2016. MENA Region and the Possible Beginning of World System Reconfiguration. In Erdoğan, M. M., Christiansen, B. (eds.), *Comparative Political and Economic Perspectives on the MENA Region*. Hershey, PA: Information Science Reference, an Imprint of IGI Global. Pp. 28–58.

2022. The Arab Spring: Causes, Conditions, and Driving Forces. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 595–624.

2023. Africa – The Continent of the Future. Challenges and Opportunities. In Sadovnichy, V., Akaev, A., Ilyin, I., Malkov, S., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Reconsidering the Limits to Growth. A Report to the Russian Association of the Club of Rome*. Cham: Springer Nature. Pp. 225–238.

2024. Africa – The Continent of the Future. Demographic and Economic Challenges and Opportunities. *World Futures* 80(1): 70–82.

Grinin, L., Korotayev, A., Tausch, A. 2019. *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives*. Cham: Springer Nature.

Haavik, V., Bøås, M., Iocchi, A. 2022. The End of Stability – How Burkina Faso Fell Apart. *African Security* 15(4): 317–339.

Hanson, J. K., Sigman, R.

2016. State Capacity and World Bank Project Success. *Annual Meeting of the Midwest Political Science Association, Chicago, Illinois*. Presentation Paper.

2021. Leviathan’s Latent Dimensions: Measuring State Capacity for Comparative Political Research. *The Journal of Politics* 83(4): 1495–1510.

Harmon, S. A. 2014. *Terror and Insurgency in the Sahara-Sahel Region*. London: Routledge.

Harsch, E. 2014. *Thomas Sankara: An African Revolutionary*. Athens, OH: Ohio University Press.

Hendrix, C. S. 2010. Measuring State Capacity: Theoretical and Empirical Implications for the Study of Civil Conflict. *Journal of Peace Research* 47(3): 273–285.

Hilgers, M. 2010. Evolution of Political Regime and Evolution of Popular Political Representations in Burkina Faso. *African Journal of Political Science and International Relations* 4: 350–359.

Huckabey, J. M. 2013. Al Qaeda in Mali: The Defection Connections. *Orbis* 57(3): 467–484.

Ibrahim, I. Y. 2017. *The Wave of Jihadist Insurgency in West Africa: Global Ideology, Local Context, Individual Motivations*. Paris: OECD Publishing.

IHME. 2025. *Global Burden of Disease Collaborative Network. Global Burden of Disease Study 2023 (GBD 2023)*. Seattle: Institute for Health Metrics and Evaluation (IHME). URL: <https://vizhub.healthdata.org/gbd-results/>.

Kalyvas, S. N. 2015. Is ISIS a Revolutionary Group and if Yes, What are the Implications? *Perspectives on Terrorism* 9(4): 42–47.

Korotayev, A., Fain, E., Zinkina, J., Issaev, L. 2025. On Coupvolution: A Type of Revolutionary Episodes in the Modern West African Context. *Critical Sociology* (in print). Pp. 1–20. DOI: 10.1177/08969205251366848.

Korotayev, A., Issaev, L., Shishkina, A. 2016a. Egyptian Coup of 2013: An “Econometric” Analysis. *The Journal of North African Studies* 21(3): 341–356.

Korotayev, A., Issaev, L., Shishkina, A., Rudenko, M., Ivanov, E. 2016b. Afrasian Instability Zone and Its Historical Background. *Social Evolution and History* 15(2): 120–140.

Korotayev, A., Issaev, L., Zinkina, J. 2015. Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-National Analysis. *Cross-Cultural Research* 49(5): 461–488.

Korotayev, A. V., Khokhlova, A. A.

2022. Effect of the Arab Spring on Stabilization Capacity of the MENA Monarchies. *Journal of Asian and African Studies* 57(2): 289–307.

2025. Islamic Monarchies, Youth Bulges, and Socio-Political Destabilization: A Cross-National Investigation. *Comparative Sociology* 24(3): 327–350.

Korotayev, A., Meshcherina, K., Shishkina, A. 2018. A Wave of Global Sociopolitical Destabilization of the 2010s: A Quantitative Analysis. *Democracy and Security* 14(4): 331–357. DOI: 10.1080/17419166.2018.1517337.

Korotayev, A., Voronina, E. 2024. Revolutionary and Quasi-Revolutionary Events in Somalia (1960–2023). In Besenyő, J., Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *Terrorism and Political Contention. New Perspectives on Nostokorth Africa and the Sahel Region*. Cham: Springer Nature. Pp. 349–400.

Korotayev, A., Zinkina, J.

2011. Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis. *En-telequia. Revista Interdisciplinar* 13: 139–169.

2015. East Africa in the Malthusian Trap? *Journal of Developing Societies* 31(3): 385–420.

2022. Egypt’s 2011 Revolution. A Demographic Structural Analysis. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer Nature. Pp. 651–683.

Kozhanov, N. 2022. Sanctions and the Socio-Economic Routs of Iran’s Domestic Instability (2010–2020). In Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *New Wave of Revolutions in the MENA Region. A Comparative Perspective*. Cham: Springer Nature. Pp. 219–242.

Lori, N. A. 2013. *Unsettling State: Non-Citizens, Citizenship and State Power in the United Arab Emirates*. Doctoral dissertation. Baltimore, MA: Johns Hopkins University.

Lori, N. 2022. Possible Citizens: Migration Enforcement as the Performance of Citizenship in the United Arab Emirates. *International Migration Review* 56(3): 727–753.

Lounnas, D.

2014. Confronting Al-Qa'ida in the Islamic Maghrib in the Sahel: Algeria and the Malian Crisis. *The Journal of North African Studies* 19(5): 810–827.

2019. Jihadism in the Sahel after the Fall of the Islamic State. *Politique étrangère* 2: 105–114.

Malkov, S., Meshcherina, K., Korotayev, A. 2020. Evolution of Stability of Socioeconomic System Functioning: Some Approaches to Modeling (with an Application to the Case of Egypt, 2011–2013). *Biosystems* 198: article # 104231.

Mann, M. 1984. The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results. *European Journal of Sociology* 25(2): 185–213.

Mansour, S., Elhefnawy, H. 2022. Egyptian Protests 2019: Harbingers of a New Revolution? In Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *New Wave of Revolutions in the MENA Region. A Comparative Perspective*. Cham: Springer Nature. Pp. 169–190.

Matar, L.

2016. *The Political Economy of Investment in Syria*. Cham: Springer.

2020. Syria's Economic History. In Ghazal, A., Hanssen, J. (eds.), *The Oxford Handbook of Contemporary Middle Eastern and North African History*. Oxford: Oxford University Press. Pp. 408–426.

McQuinn, B. 2013. Assessing (in) Security after the Arab Spring: The Case of Libya. *PS: Political Science & Politics* 46(4): 716–720.

Mearsheimer, J. J. 2024. War and International Politics. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=takl4fei1pQ>.

Medvedev, I., Ustyuzhanin, V., Zinkina, J., Korotayev, A. 2022. Machine Learning for Ranking Factors of Global and Regional Protest Destabilization with a Special Focus on Afrasian Instability Macrozone. *Comparative Sociology* 21(6): 604–645.

Nsaibia, H., Weiss, C. 2020. The End of the Sahelian Anomaly: How the Global Conflict between the Islamic State and al-Qaida Finally Came to West Africa. *CTC Sentinel* 13(7): 1–14.

Ouedraogo, B. N. 2015. The Army and the Exercise of Power in Burkina Faso. *Notes internationales CIDOB* 106. URL: https://www.cidob.org/en/publications/army-and-exercise-power-burkina-faso-lessons-popular-uprising-october-30th-and-31st?utm_source=chatgpt.com

Phillips, C. 2022. The International System and the Syrian Civil War. *International Relations* 36(3): 358–381.

Powell, N. 2021. *France's Wars in Chad: Military Intervention and Decolonization in Africa*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Roberts, D. 2020. The UAE and the Rise of a New Military Power. *Middle East Insights* 242: 1–5.

Runion M. L. 2017. *The History of Afghanistan*. Santa Barbara, CA: Greenwood.

Saidou, A. K., Honig, L. 2024. Legitimising Regimes and Legalizing Self-Defence Groups: The Case of Burkina Faso's VDPs. *The Journal of Modern African Studies* 62(3): 269–289.

Shahrani, M. N. (ed.). 2018. *Modern Afghanistan: The Impact of 40 Years of War*. Bloomington, IN: Indiana University.

SIPRI. 2025. SIPRI Military Expenditure Database, 1949–2024. DOI: 10.55163/CQGC9685.

Slinko, E., Bilyuga, S., Zinkina, J., Korotayev, A. 2017. Regime Type and Political Destabilization in Cross-National Perspective: A Re-Analysis. *Cross-Cultural Research* 51(1): 26–50.

Tanner, S. 2025. *Afghanistan: A Military History from Alexander the Great to the War against the Taliban*. New York, NY: Grand Central Publishing.

The End Result of Russia-Ukraine Conflict to be a Frozen Conflict Devoid of a Genuine Peace Agreement: John Mearsheimer. 2024. *Global Times* February 22. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202402/1307492.shtml>.

Vogel, D. 2024. Terrorism and Chad: Ethnicism, Mismanagement and Great Power Influence. In Besenyő, J., Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *Terrorism and Political Contention: New Perspectives on North Africa and the Sahel Region*. Cham: Springer Nature. Pp. 197–272.

Walther O., Christopoulos D. 2015. Islamic Terrorism and the Malian Rebellion. *Terrorism and Political Violence* 27(3): 497–519.

Wayessa, G. O. 2021. State-Building and Development in Ethiopia: from “Developmental State” to “Prosperity” Model. *Northeast African Studies* 21(2): 83–115.

World Bank

2025a. Armed Forces Personnel, Total. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.TOTL.P1>.

2025b. Intentional Homicides (per 100,000 People). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/VC.IHR.PSRC.P5>.

2025c. Government Effectiveness: Estimate. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GE.EST>.

2025d. Tax Revenue (% of GDP). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GC.TAX.TOTL.GD.ZS>

2025e. Taxes on Income, Profits and Capital Gains (% of Total Taxes). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GC.TAX.YPKG.ZS>.